Чугуевец.
О
Рус. Нар. Культ.

1889

О РУССКОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРѢ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ И ЗАМѢТКИ

Павла Чугуевца.

„Добра хощу братьи и руськѣй земли“.

Владимірь Мономахъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ХАРЬКОВЪ.

Товарищество „Печатня С. П. Яковлева,“ Екатеринославская, № 41.

1889.

Дозволено цензурою. Москва. 15-го Февраля 1889 года.

ВЪ ЧЕМЪ СЧАСТЬЕ?.....

Эти бѣдныя селенья,
Эта скудная природа,
Край родной долготерпѣнья,
Край то русскаго народа!
Не пойметъ и не замѣтитъ
Гордый взоръ иноплеменный,
Что сквозитъ и тайно свѣтитъ
Въ наготѣ твоей смиренной.....

Тютчевъ.

Правило изъ „Зендъ-Авесты“:—„Кто засѣваетъ землю со вниманіемъ и усердіемъ, совершаетъ болѣе важную религіозную заслугу, нежели тотъ, кто повторяетъ десять тысячъ молитвъ“.

I.

Вотъ ниже—живая картинка, прекрасно нарисованная умѣлою рукою поэта, которая сразу насъ переноситъ въ ту среду лицъ, образъ жизни и образъ мыслей которыхъ, въ ихъ самобытномъ видѣ, составляетъ предметъ нашего описанія:

У недилю на выгони
Дивчата гулялы,
Жартувалы зъ паробками,
Де яки спивалы
Про досвитки, вечерныци

Та якъ была маты,
Щобъ зъ козакомъ не стояла.....

. . . .

„Дывитця, дивчата,
Кобзарь иде, кобзарь иде!“. . .
Та вси яко мога
Хлопцивъ кынулы, побиглы
Зостричать слипого.
—„Диду-сердце, голубчику,
Заграй намъ що-небудь:
Я шага дамъ; я—черешень;
Я напою медомъ;
А тымъ часомъ одпочынышь,
А мы потанцюемъ“. . . .

(Изъ Шевченка).

А вотъ и внѣшній обликъ кобзаря, этого нашего „Гомера“ sui generis, будившаго у своихъ слушателей добрыя чувства то своимъ „любви и правды чистымъ ученіемъ“, то пѣснью, воскрешавшею своимъ живымъ словомъ далекую, прошлую жизнь,—обликъ народнаго пѣвца также простъ и скроменъ, какъ жизнь его слушателей......

Въ рукахъ чоботы, на плечахъ
Латана торбына
У старого. А дытына, (т. е. поводатарь слѣпого дѣда)
Сердешна дытына
Обидрана, ледве, ледве,
Носе ноженята......
Безталанный сынъ Катруси.

И такую-то убогую фигуру имѣлъ народный пѣвецъ, „глаголомъ жегшій сердца людей“, представитель тѣхъ пѣснетворцевъ, щирое слово которыхъ оставило по себѣ „нерукотворный памятникъ“ на поученіе потомкамъ....

..... — Живы ихъ пѣсни, живы ихъ народныя чувства и мысли, сокрытыя въ нихъ, но, увы, безпощадный, всеизмѣняющій ходъ времени стеръ ихъ самихъ съ лица земли,—показывая, что и для самобытной, народной жизни справедлива міровая поговорка „tempora mutantur et nos mutamur“.... Еще лѣтъ 20—30 назадъ раздавалось по селамъ и хуторамъ живое, поэтическое слово кобзарей про

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданія старины глубокой....

Но теперь ихъ образное, живое слово хранится лишь въ сотняхъ пѣсенъ, — этихъ объективно-поэтическихъ образцахъ самобытно - народнаго эпоса, слагавшихся также просто и безъискусственно, какъ и породившая ихъ жизнь..... Къ сожалѣнію, эти пѣсни далеко еще не всѣ знакомы съ печатнымъ станкомъ „мертвой страницы“,—потому что очень часто приходится наталкиваться не только на новые варіанты старыхъ пѣсенъ, но и на новые оригиналы ихъ, а стало-быть нашъ народный эпосъ, какъ и многое другое въ отношеніи культуры народной жизни, далеко еще не полностью изучены. Что-же касается самихъ кобзарей, то о нихъ мало можно услышать даже отъ старожиловъ деревни, такъ какъ-то неблагопріятно стало для нихъ время. Впрочемъ, правду надо сказать, что и въ деревнѣ теперь на подобіе города, проза

жизни всюду вытѣсняетъ поэзію жизни. И деревенская, крестьянская молодежь, отвлекаемая суровыми заботами прозаической жизни, плохо знаетъ кобзарей даже по наслышкѣ. Деревенскія дѣвушки оказываются въ этихъ случаяхъ болѣе добропамятными: они знаютъ кобзарей по крайней мѣрѣ по тѣмъ пѣснямъ, что и до днесь звучатъ въ ночку темную по селамъ и хуторамъ,—вырываясь изъ дѣвической груди или съ горя, или отъ радости.... Мужская же часть деревенской молодежи поетъ рѣже и пѣсенъ знаетъ меньше. Къ сожалѣнію, вообще надо признаться, что „пѣвучая и пляшущая Малороссія", какъ окрестилъ ее нашъ народный поэтъ, стала забывать о прелести своей народной Музы. Особенно—фабрично-заводскіе ея уголки:—здѣсь и „романсики", и „оперетку" можно услышать....

Но въ глубокую старину, когда слагался нашъ типичный патріархальный складъ народной жизни, въ самое ея первобытное время, власть надъ чувствомъ и умомъ народа вдохновленныхъ самобытныхъ пѣсенъ, вырывавшихся изъ сердца свѣточей народной жизни, была существенна,—какъ указываютъ намъ нѣкоторыя историческія данныя. Такъ напримѣръ, мы знаемъ, по свидѣтельству Тацита, что въ первобытной Германіи народные барды оказывали вліяніе даже на форму правленія германскихъ племенъ.—„Этотъ оригинальный классъ людей,—говоритъ Гиббонъ,—вполнѣ заслуженно привлекалъ на себя вниманіе всякаго, кто изучалъ древности Кельтовъ, Скандинавовъ и Германцевъ".—„Всѣмъ извѣстно, читаемъ далѣе,—какимъ они пользовались уваженіемъ, благодаря своему высокому призванію".

При этомъ, не лишено будетъ интереса напомнить то удивленіе, которое высказываетъ Гиббонъ, стоя на точкѣ зрѣнія поклонника блестящаго періода цивилизаціи Римской Имперіи, предъ тѣмъ фактомъ, что у варваровъ придавали черезъ чуръ серьезное значеніе „любви къ поэзіи", —но вотъ слова самого Гиббона:—„У цивилизованныхъ народовъ любовь къ поэзіи служитъ скорѣе *развлеченіемъ для фантазіи, нежели пищей для душевныхъ страстей*", *) какъ это было у варваровъ, сломавшихъ окончательно подточенное развратомъ зданіе утонченной римской цивилизиціи, утопившей безвозвратно свой творческій геній въ рабскомъ подчиненіи страстямъ къ роскоши и нѣгѣ епикуреистическаго матеріализма:—„Этотъ вѣкъ безстрастія не произвелъ ни одного геніальнаго писателя", читаемъ у Гиббона же. И далѣе:—„Красоты произведеній поэзіи и ораторскаго искусства вмѣсто того, чтобъ возбуждать въ душѣ читателя такой же пылъ, какимъ они сами были одушевлены, вызывали лишь холодныя и рабскія подражанія". —„Названіе поэта было почти позабыто, а названіе оратора не справедливо присвоили себѣ софисты. Масса критиковъ, компиляторовъ и комментаторовъ затемнила сферу знаній, а за упадкомъ генія скоро послѣдовала и испорченность вкуса". **) И что всего поучительнѣе для переживаемаго времени это—то, что это разложеніе умственныхъ и нравственныхъ силъ совершалось pari passu съ фактомъ популярицаціи матеріалистической философіи:—„Богатые и образованные итальянцы, почти

*) „Ист. упад. и разр. Римс. Имперіи", ч. I, стр. 307.

**) Ibidem, стр. 78—79.

всѣ безъ исключенія придерживавшіеся философіи Эпикура, наслаждались благами удобной и спокойной жизни и вовсе не желали, чтобъ ихъ сладкое усыпленіе было прервано" . . . .*) Такъ же было въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., т. е. во время благоденствія Римской Имперіи, въ „вѣкѣ Антониновъ". Но у свирѣпыхъ сѣверныхъ гигантовъ „любовь къ поэзіи" въ это же время была „пищей для душевныхъ страстей", или, говоря словами нашего великаго поэта, она „глаголомъ жгла сердца людей". И это глубокое значеніе поэзіи еще болѣе выростаетъ въ глазахъ изслѣдователей первобытныхъ культуръ. Такъ напримѣръ, по отношенію къ исторіи человѣческой культуры, „заслуживаетъ вниманія,—читаемъ въ „Исторіи матеріализма" *Ланге*,—одно обстоятельство, которое, по видимому, находится въ существенной связи съ первыми началами спецефически человѣческой жизни; это—появленіе *чувства красоты* и извѣстныхъ зачатковъ искусства во времена, въ которыя человѣкъ явно жилъ еще въ дикой борьбѣ съ большими хищными животными, и съ трудомъ поддерживалъ свое существованіе, полное ужасовъ и случайностей самаго разрушающаго свойства". И нѣсколько далѣе, тамъ же читаемъ:—„Мы имѣемъ здѣсь замѣчательное подтвержденіе мысли, которую Шиллеръ изложилъ въ своихъ „Художникахъ"; ибо, если мы представимъ себѣ дикую страстность первобытнаго человѣка, то въ противоположность къ ней, врядъ ли имѣемъ какой либо другой источникъ воспитывающихъ и возвышающихъ идей, кромѣ общества и чувства красоты. Этимъ невольно

*) Ibidem, стр. 83.

напоминается,—говоритъ въ заключеніе Ланге,—извѣстный вопросъ, что прежде—*пѣлъ*, или *говорилъ* человѣкъ?" И съ этой точки зрѣнія во всей силѣ выростаетъ значеніе „искры поэтическаго творчества", съ упадкомъ который человѣкъ дичаетъ:—„Каждому человѣку, желающему отличиться отъ прочихъ животныхъ,—говорилъ, нѣсколько десятковъ столѣтій тому назадъ, Саллюстій,—надобно стараться всѣми силами, чтобы не провести жизни своей въ забвеніи и не уподобиться скотамъ, въ которыхъ дѣйствуютъ одни низкія побужденія" *). Но, къ сожалѣнію, исторія показываетъ намъ такія эпохи времени, когда всплываютъ на поверхность преимущественно „одни низкія побужденія", стирая собой на время идеальныя стремленія къ „поэзіи въ жизни", такъ сказать. . . . На нѣчто подобное даетъ намъ намеки и настоящее время. . . Но ненадо забывать, что эти наносныя наслоенія не составляютъ коренной сущности, которая таится подъ ними. Тѣмъ болѣе грустно, когда смѣшиваютъ эти переходныя наслоенія съ основами нашей народной жизни, замѣчая ея одни такъ сказать „скотскія низкія побужденія" и закрывая глаза передъ положительной ея сущностью. Конечно, незачѣмъ скрывать, что въ патріархальную, чистую жизнь влилась грязная струя при посредствѣ всякихъ сортовъ „Разуваевыхъ", вкусившихъ отъ плодовъ трактирной цивилизаціи. И болѣе того, эти то „цибулизованные" живоглоты, да ихъ приспѣшники и составляютъ, такъ сказать, „ферментъ" всевозможныхъ, отрицательнаго свойства, новшествъ:—отставъ отъ одного берега

*) Саллюстій, „Исторія заговора Катилины", стр. 1.

и не приставъ къ другому, эти „перевертни“—составляютъ тѣхъ новаторовъ, которые вносятъ въ народную жизнь невѣжество, турнюры и развратъ. Но смѣшивать представителей „скотскихъ побужденій“ переходнаго наслоенія съ сущностью народной жизни нѣтъ резоновъ: —эти хищники скорѣе кость отъ кости и плоть отъ плоти „интернаціональнаго“ хищничества, образчики котораго можно найти вездѣ и всегда. И коренное понятіе „крестьянствовать“ все по прежнему означаетъ жизнь, гдѣ и доселѣ живутъ старыя добродѣтели, составлявшія крѣпость, силу и мощь народной жизни. Эти добродѣтели искони придавали особую энергію самобытнымъ народамъ и развивали въ нихъ „вѣрность, мужество, гостепріимство и услужливость“, какъ характеризуетъ первобытныя и самобытныя племена древнихъ германцевъ Тацитъ. Если прибавить къ перечисленному ряду „варварскихъ добродѣлелей“ регулярный трудъ суроваго чисто хлѣборобскаго образа жизни, да накинуть еще одно качество народной души, ясно выраженное въ слѣдующей строчкѣ изъ народной пѣсни—

„....послужи Богу и Царю!“ *)

—то предъ нашими глазами предстаетъ та „народная единица“, изъ которой сложился русскій народъ, въ его мощномъ современномъ видѣ. И эти могучія, свѣжія, вѣчно юныя черты души живутъ въ русскомъ народѣ крѣпко, прочно, несмотря на всякія наслоенія и, вопреки имъ, составляющія залогъ будущаго еще большаго величія...

---

*) См. 49 стр. „Малорусскія бытовыя пѣсни“. Очерки Павла Чугуевца.

И по мѣрѣ отрѣшенія отъ извѣстнаго рода предразсудковъ, заставлявшихъ смотрѣть на нашъ народъ, съ одной стороны, какъ на стадо дикарей, не способныхъ ни чувствовать, ни мыслить въ своей животной грубости и безпросвѣтномъ невѣжествѣ,—а съ другой заставляя считать всѣ противоположныя сему мнѣнія пустымъ декламаторствомъ, разукрашивающимъ добродѣтелями нѣчто несуществующее въ дѣйствительности,—безпристрастное изученіе культурныхъ чертъ народной жизни, въ ея чистѣйшихъ проявленіяхъ, кромѣ отрезвляющаго дѣйствія своими идеалами, показываетъ намъ и самую народную жизнь въ краскахъ на столько положительнаго свойства, что по нынѣшнему времени она можетъ пролить надлежащій свѣтъ на многіе вопросы, замыкающіеся въ заколдованный кругъ.... Конечно, прежде всего надо имѣть въ виду, что на тихой и мирной нивѣ крестьянски-народной жизни (какъ въ старину, такъ особенно теперь), мы не можемъ встрѣтить ни блеска, ни мишуры, бьющихъ на пустой эффектъ.... Здѣсь жизнь течетъ, хотя и въ глубокомъ, и крѣпкомъ руслѣ, но просто безъ треска и шика—въ суровомъ, изо дня въ день, трудѣ, для нѣги и роскоши не дающихъ почвы.... И въ особенности въ переживаемое нами время на народно крестьянской нивѣ жизнь улеглась въ крѣпкую колею, бурные элементы прошлаго отжили свой вѣкъ, испаряясь даже изъ народной памяти современныхъ поколѣній.... Пожалуй даже, нѣтъ въ современной народной жизни и той „романтической“ струйки, которая формировала забубенныхъ удалыхъ молодцевъ, да воспѣтыхъ въ „искусственной“ поэзіи всякихъ красавицъ,

„Катрусь", „Марусь", „Ганусь" и какъ еще?—красавицъ, своею нѣжною сентиментальностью скорѣе напоминающихъ „бѣдныхъ Лизъ", чѣмъ самобытныхъ крестьянокъ, выросшихъ въ суровой школѣ дѣйствительной крестьянской жизни.... Можетъ быть, въ старину все это и было и жило, но теперь объ этихъ „блесткахъ"— ни слуху, ни духу.... Положимъ, время-то полиняло, что и говорить, а съ нимъ не одни только представители „культурнаго образа жизни"..... Романтическій источникъ изсякъ какъ тамъ, такъ и здѣсь: герои вывелись, въ обыкновенномъ смыслѣ слова... Но въ томъ то и дѣло, что даже о современной народной жизни нельзя сказать, чтобы здѣсь совсѣмъ, какъ у насъ, изсякла романтическая струя, которая такъ красиво въ старину окрашивала собою теченіе жизни, отражаясь въ ней и нѣжностью, и задушевностью и той поэтической красотой, что отразилась въ чудномъ лиризмѣ народной музы.... И еще—невольно бросается въ глаза то, что хотя блестки и стерлись въ историческомъ ходѣ народной жизни, хотя мишура и слезла, но и дряблость, но и сѣренькая пошлость съ своимъ нравственнымъ худосочіемъ не нашли себѣ мѣста въ коренной народной жизни, которая стала только суровѣе, прозаичнѣе.... И съ этой стороны она заслуживаетъ полнѣйшаго вниманія и изученія.

.... И такъ поэтичность изсякаетъ даже изъ народной жизни, по мѣрѣ того, какъ угасали ея пѣвцы и пѣснотворцы, эти „Гомеры" sui generis,—угасали гдѣ нибудь въ самомъ укромномъ углу глубокой глуши.... Но они оставили намъ образцы народнаго, самобытнаго

эпоса, который сохраняетъ въ чистомъ видѣ образы формъ патріархальной народной жизни. И какъ богатъ свитокъ этихъ самобытныхъ, безъискусственныхъ пѣсенъ, показываетъ уже ихъ только простой перечень. Но прежде чѣмъ мы его сдѣлаемъ,—приведемъ одну историческую справку, имѣющую существенное отношеніе къ занимающему насъ вопросу.—„Дайте мнѣ пѣсни народныя, и я по нимъ напишу законы для народа", сказалъ одинъ англійскій писатель *). Эти слова—болѣе, чѣмъ краснорѣчивый афоризмъ. Напримѣръ, у воинственныхъ представителей военныхъ республикъ, каковыми были древніе германцы, ихъ барды воспѣвали воинственныя пѣсни, о славѣ древнихъ героевъ, воодушевляя ими воиновъ или передъ битвой, или во время ея,—подобно тому какъ воинственный пылъ внушенъ Тиртеемъ упавшимъ духомъ Спартанцамъ,—пѣли эти барды и на праздничныхъ обѣдахъ все же свои воинственныя пѣсни, которыя пѣвались ими также подлѣ труповъ умершихъ героевъ. Такимъ образомъ у представителей воинственнаго племени имѣлось три рода пѣсенъ, но всѣ одного и того же воинственнаго характера, и хотя „нѣкоторые историки утверждаютъ,—читаемъ у Гизо,—что германцы пѣли также на свадьбахъ, но мнѣ кажется,—говоритъ онъ,—что это было бы не согласно съ ихъ обычаями, такъ какъ у нихъ бракъ былъ ничто иное, какъ покупка жены. Впрочемъ можно указать только одинъ такой случай (т. е. когда пѣлись свадебныя пѣсни):—готскій король Атольфъ самъ пѣлъ брачный гимнъ. . . . . Впрочемъ этотъ бракъ былъ со-

*) См. этюдъ Карлейля о Борнсѣ.

вершонъ по римскимъ обрядамъ, въ составъ которыхъ входили пѣсни" *).

Теперь, конечно, интересно взглянуть на то, о чемъ любилъ пѣть нашъ народъ.... Вотъ перечень пѣсенъ самобытно-народной Музы:—1) историческія и казацкія пѣсни (соотвѣтственно слѣдовательно съ воинствеными пѣснями древнихъ германскихъ племенъ),—2) чумацкія и бурлацкія, 3) косарскія, пахатныя, жнецовъ и имъ подобныя, обнимающія различные полевыя работы, 4) разбойницкія, 5) рекрутскія и солдатскія, 6) цѣлая свадебная эпопея, 7) святочныя пѣсни, колядки, щедривки, пародіи, 8) купальныя (въ день на „Ивана Купала"), игральныя (хороводы и въ „ночь подъ Ивана Купала"), весняки, 9) лирическія и колыбельныя (это громадный отдѣлъ всевозможнаго рода задушевныхъ пѣсенъ).

Такимъ образомъ, изъ этого уже перечня видно что въ нашемъ народномъ эпосѣ отразилась народная жизнь чуть не во всѣхъ своихъ культурныхъ проявленіяхъ. Богатство народной поэзіи, въ ея количественномъ отношеніи, говоритъ само за себя. Что же касается качественной стороны ея, какъ въ смыслѣ содержанія такъ и его внѣшней формы, въ которой выливается наша народная пѣсня,—мы будемъ говорить особо, въ дальнѣйшемъ ея разборѣ. Но прежде обратимъ вниманіе еще на одинъ бытовой факторъ, который имѣлъ, хотя и косвенную, но причинную связь съ эстетическимъ творчествомъ нашего народа, именно насъ интересуетъ то возможное въ старину количество досуга, которое

*) Цитировано изъ одного комментарія Гизо къ Гиббону, 308 стр., ч. 1. „Ист. уп. и раз. Р. И.".

народъ могъ удѣлять изъ своего рабочаго дня для поэтическихъ занятій своей фантазіи. А для этого существуютъ условія sine qua non. Эти условія, говоря въ терминахъ „Основаній психологіи" Спенсера,—заключаются, при наличности всѣхъ другихъ, въ извѣстномъ количествѣ „сбереженія психической энергіи", которая получается какъ остатокъ, за удовлетвореніемъ всѣхъ другихъ жизненныхъ потребностей. При наличности этихъ условій только и можетъ явиться досугъ, который можетъ быть производительно затраченъ на эстетическую дѣятельность. Это равно справедливо для всей высшей органической жизни, начиная животными.

И кромѣ того это справедливо не только для возникновенія этого высшаго порядка психической жизни, но равно—и во все время ея функціонированья.—„Мы видѣли, говоритъ Спенсеръ, что тотъ порядокъ дѣятельностей, къ которому принадлежатъ дѣятельности эстетическія, получилъ свое начало именно вслѣдствіе этого сбереженія". И далѣе:—„постоянно возрастающій избытокъ энергіи принесетъ съ собою возрастающую пропорцію эстетическихъ дѣятельностей и наслажденій" *).

Здѣсь же, среди этихъ научныхъ истинъ, мы встрѣчаемъ прекрасное подтвержденіе того факта, что самобытно-народная поэзія не можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ вѣрной *копіей* тѣхъ чувствъ, которыя играютъ „господствующую роль въ жизни" производящихъ ихъ субъектовъ. Эти положенія, какъ показываютъ факты, вообще коренятся въ глубинѣ природы психической

*) Спенсеръ, „Основанія психологіи", т. IV, ч. VIII, гл. VIII, стр, 353—354.

дѣятельности, начиная съ самыхъ элементарныхъ ея формъ. „Изящныя искусства,—читаемъ опять у Спенсера,—всѣхъ родовъ принимаютъ формы, все болѣе и болѣе гармонирующія съ этими чувствами“ *).

И такъ, для поэтической народной дѣятельности необходимъ, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, нѣкоторый избытокъ надъ непосредственными нуждами, дающій возможность функціонировать „дѣятельности высшихъ способностей, которыя обнаруживаются въ изящныхъ искусствахъ“. Этими словами Спенсеръ начинаетъ главу объ эстетическихъ чувствахъ“ **).

Стародавняя дешевизна жизни общеизвѣстна. При поразительной дешевизнѣ съѣстныхъ припасовъ, жилища, топлива, одежды и прочаго,—что все почти являлось продуктомъ домашняго избыточнаго хозяйства—натурально въ старину являлся „нѣкоторый избытокъ надъ непосредственными нуждами“, не отвлекавшій въ пріисканіи „насущныхъ средствъ къ жизни“, народную психическую жизнь отъ дѣятельности высшихъ способностей, которыя обнаруживаются въ изящныхъ искусствахъ. Не то, конечно, теперь, когда жизнь дорожаетъ съ каждымъ годомъ. Слѣдующій разсказъ, по нашей просьбѣ нацарапанный рукою семидесятилѣтняго старика, переноситъ насъ въ ту сферу патріархальныхъ условій жизни, при которыхъ жилъ нашъ народъ въ глубокую старину. Вотъ этотъ оригинальный разсказъ стараго деревенскаго грамотѣя, который мы почти цѣ-

*) Ibidem, стр. 353.

**) Ibidem, стр. 332.

ликомъ списуемъ здѣсь....—„Съ малолѣтства проживая все въ одномъ и томъ же селѣ, я любилъ слушать рѣчи стариковъ—какъ было раньше, въ старину..... И что дѣлалось въ нашей слободѣ..... Жили тогда, когда мнѣ было лѣтъ 12, или около того, еще изъ стародавнихъ временъ два старика.... Одного, какъ теперь помню, прозывали Бытенко. Онъ имѣлъ отъ роду 115 лѣтъ. Онъ самъ объ этомъ говорилъ, люди не знали, сколько лѣтъ онъ живетъ:—не про ихъ память!..... Да еще онъ отъ старости былъ слѣпъ... Вотъ что онъ мнѣ разсказывалъ. Однажды я пришелъ къ разлившейся весною водѣ.... Гдѣ и его, старика, засталъ сидящимъ надъ водою...... Я подошелъ и спрашиваю:—„Дѣдушка, что задумался такъ?"—„А ты кто будешь?", вмѣсто отвѣта онъ переспросилъ меня. И узнавши кто я, началъ:—„Эге! добре! сядь же около меня.... Что же тебѣ разсказать?"....—Затѣмъ послѣ нѣсколькихъ правоученій, которыя дѣлалъ 115 лѣтній тому семидесятилѣтнему дѣду, который ужъ мнѣ сообщилъ разсказъ, мы въ немъ имѣемъ слѣдующее, насъ теперь интересующее: — „Гулять мнѣ некогда было, сообщилъ 115 лѣтній дѣдъ,—я жилъ работникомъ на годъ у хозяина. Ѣздилъ въ поле орать, быковъ пасъ и всякую хозяйскую всячину работалъ".—Что же касается вознагражденія, то 115 лѣтній дѣдъ сообщилъ, что:—„въ 1-й годъ я бралъ пятака, на 2-й годъ—гривню. На 3-й годъ—три пятака. На 4-й годъ—2 гривни. На 5-й годъ—уже цѣлыхъ полъ-копы *). А всего за 5 лѣтъ я получилъ „тричи по пивъ копы", (т. е. 75 к.)

*) Т. е. 25 к. на асигнацію.

Но интереснѣе всего, какъ поступилъ съ этимъ „капиталомъ“ въ то время хлопецъ Бытенко. Когда онъ нажилъ у своего хозяина 75 копѣекъ по счету на асигнацію, тогда пришелъ къ нему батько и сказалъ:— „годи сыну по годахъ ходыть! Иды до дому! Чы не пора тоби жинку брать?“ А уже у сына была дивчына на примѣтѣ.—„Вотъ я пошелъ до дому“.—Далѣе читаемъ въ разсказѣ,—батько и говоритъ: у тебя, сынку, гроши есть, а одежи „чертма“. Надо ее купить. Пошли въ городъ. И купили мы свитку, шапку и поясъ и чоботы. „Та еще всѣхъ грошей не потратили“. На вопросъ 70 лѣтняго старика,—почемъ тогда были чоботы, 115 лѣтній отвѣчаетъ:—„Почимъ чоботы? Ось бачъ! пришвы пришывалы тоди шывци по копійци. А нови чоботы шылысь по шагу“.—Въ параллель къ этой платѣ сапожникамъ интересно привести сколько получали молотники:—„Кто молотилъ“ „легкимъ“ цѣпомъ получалъ въ день по 1 копѣйкѣ, а кто молотилъ „важкымъ“ цѣпомъ, тотъ получалъ по шагу въ день“. Затѣмъ идетъ перечень различныхъ предъ-свадебныхъ приготовленій. „А горилку мы сами нагнали на вынныци *) изъ своего борошна. У насъ тогда было много вынницъ въ слободѣ. Кому горилкы нужно было, тотъ було визме своего борошна мишкивъ пять, та дровъ своихъ и отвезетъ до сосѣда на вынницу—да самъ и нагоныть горилки. Платыть ничего за это не платили, а вынныку (содержателю винокурни) за это отрабатували, а брага ему оставалась въ придачу. Такой и бувалъ заработокъ у вынника“.

*) Небольшая для хозяйственныхъ нуждъ винокурня.

Что же касается платы священнику за вѣнчаніе, на этотъ предметъ мы имѣемъ въ разсказѣ слѣдующее:— „А попы за винчанье брали отъ пары по 5-ть шелягивъ, да на церкву—по 5-ть шелягивъ“. Вотъ и все.

Въ этомъ же разсказѣ старика мы имѣемъ намеки и на другія стороны патріархальной жизни:—Напримѣръ, —„на друге лито,—разсказывалъ такой же стародавній дѣдъ,—нанялся я на майданъ:—тоже въ нашей слободѣ. Тилько это бувъ панскій майданъ. Вотъ мы съ товарищами и нанялысь на лито, по 4-ри гривни каждый. Только не удалось намъ тутъ. „Недобра маты“ мене внесла:—пишовъ съ товарищами ночью и вырвали мы грядку цыбули у пана. Вотъ насъ и потребовалы въ земскій судъ. Мы вси шесть и пошли. Стражи на каждаго человика поставили по одному сторожу. Пришли въ городъ. До суда подали бумагу, отъ правленія. Намъ сказалы—подождать. Ждемъ мы день, ждемъ мы и другый, ждемъ третій и четвертый все ждемъ:—обхарчилысь совсимъ и вотъ—вотъ исты „нечего будетъ“. Что дѣлать? И хлѣба уже не фатило, и отлучиться имъ нельзя. Ночевали подъ судомъ. „Та идить въ судъ“, сказали про себя, — „кажить что ѣсть уже нечего“.—Хорошо. Ажъ вотъ и выходитъ одинъ панокъ да и говоритъ:—„А что вы, хлопцы?“—„Обхарчились“, отвѣчаемъ.—„Эге?“, сказалъ панокъ и прибавилъ:—„Идить, хлопцы, домой до дослушнаго часу“. —Пошли до дому. И уже не шли, а летѣли: або ѣсть дуже хотѣлось! Пришли до дому—трохи отпочили. Батько мой и говоритъ.—„А что ты, сучій сыну, наробилъ? а? мабуть—въ острогъ запиралп?“—А мы ему:

—„Ни, еще ничего не було“.—А онъ:—„А когда же оно будетъ?“—А мы ему:—„Насъ отпустили до дослушнаго часу“.—Надо пойти въ майданъ. Пошли вечеромъ уже. Вотъ мастеръ и спрашиваетъ:—„А что вамъ тамъ было?“—А мы говоримъ:—„Еще ничего не было; можетъ еще будетъ. Про то не знаемъ:—не говорили намъ“.—„Развѣ-жъ еще вамъ идти туда?“ допытывается мастеръ. А мы ему:—„Пустили до дослушнаго часу“.—„Эге! идите же себѣ до дому, у меня есть другіе на мѣсто васъ люди. А то у меня опять будутъ прикидки не выкиданными, какъ потребуютъ васъ въ судъ“.—„Отакъ тебѣ“. Съ тѣмъ мы и ушли. А дальше было то, что насъ, что недѣля (тыждень)—то и ведутъ въ городъ въ судъ. А потомъ изъ суда гонятъ до дому, выдержавши около суда три или четыре дня. Та мало-мало не полгода такъ насъ водили въ судъ. Та уже одинъ какой-то великій панъ встрѣтился съ нами около суда, та и спрашиваетъ: — „Что за люди? и зачѣмъ? что шляетесь?“—А мы ему и стали говорить—что и какъ. А онъ расхохотался та и крикнулъ:—„Дураки—вы и вашъ голова! Вонъ до дому! Да и не приходите больше до суда“. А потомъ еще дуще какъ закрычитъ на кого-то Мы только и слышали:—„Напишите дураку, чтобы людей не присылалъ больше“.

И такъ далѣе. Вотъ безъискусственная картинка жизни и нравовъ того времени, воспоминанія о которомъ все больше испаряются, и о которомъ закоренѣлые „староверы“ говорятъ, что тогда теплѣе на свѣтѣ жилось, чѣмъ теперь: „И лѣсовъ было больше, и небо—синѣе, и воздухъ—прозрачнѣе, и рѣки—глубже, и дождей

перепадало больше, и солнце пекло жарче, и хлѣба было больше и"... и прочее въ семъ родѣ. Хлѣба то во истину было больше, а людей меньше, и добрѣе они были, нечего грѣха таить.... Положимъ также еще, о чемъ и спорить нельзя, что насущнѣйшія жизненныя потребности удовлетворялись тогда легче, и самыхъ потребностей въ отношеніи роскоши и комфорта было меньше, чѣмъ теперь. Быть сыту, одѣту и обуту—дешевле было. А на сытое брюхо смотрѣть на міръ Божій — куда краше, чѣмъ въ борьбѣ за существованіе.....

И въ этой-то сферѣ сытости и простоты всколыхался патріархальный складъ жизни, въ былое время совершенно почти незнакомой съ соблазномъ денегъ и наживы. И народъ, одаренный щедрою рукою Творца дарами природы, въ видѣ продуктовъ земледѣльческаго характера работы, безъ ажіотажа и хищническихъ позывовъ, всегда относился и привыкъ относиться съ суевѣрнымъ уваженіемъ къ жизни и ея дарамъ. Эта же „себѣ довлѣющая" сфера жизни и понятій всколыхала ту лѣнивую поэтичность взгляда на жизнь, которая выразилась съ одной стороны характерной особенностью чисто русской натуры, съ ея „авось, да небось", заключающими „цѣлую" систему міроразумѣнія, для которой все—„ничего", —это классическое „ничего", такъ напугавшее „желѣзнаго канцлера", если вѣрить анекдоту... Съ другой стороны эти же условія жизни благопріятствовали народнымъ поэтическимъ думамъ, грезамъ и мечтамъ, выливавшимся въ художественной формѣ въ ихъ самобытныхъ пѣсняхъ, съ возвышенными идеалами, съ задушевнымъ лиризмомъ, съ оптимистическимъ

взглядомъ на жизнь. Теперь намъ остается перейти къ разбору этихъ пѣсенъ.

II.

„Этотъ—по выраженію К. С. Аксакова—спасающійся на землѣ народъ, падающій какъ грѣшникъ человѣкъ, но не слабѣющій въ вѣрѣ, не отрывающійся, всегда, кающійся и возстающій покаяніемъ“, создалъ подобный себѣ самобытный эпосъ, въ которомъ отразились его историческіе и бытовые идеалы, передававшіеся изъ поколѣнія въ поколѣніе. Наиболѣе существенное изъ нихъ можно формулировать такъ:—„жить какъ Богъ велѣлъ“, „жить какъ жили дѣды и отцы“, т. е. развертывая скобки, будемъ имѣть:—„должно не забывать Бога, должно свято исполнять Его велѣнія, состоящія прежде всего въ томъ, чтобы грудью стоять за Бога, Царя и Отечество,—и далѣе, чтобы любить всѣхъ православныхъ христіанъ“. Эти-то основные идеалы отразились прежде всего на пѣсняхъ народнаго эпоса. Затѣмъ въ параллель тому, какъ и въ жизни это было (говоря словами К. С. Аксакова), „дѣва въ глазахъ Русскаго Славянина была чистое и высшее существо, что показываетъ самое ея имя“, *)—и въ народномъ эпосѣ сквозитъ этотъ самобытный, древній народный взглядъ. Наконецъ, помимо разнообразнѣйшихъ оттѣнковъ душевнаго настроенія, по поводу различнѣйшихъ житейскихъ случаевъ, изъ которыхъ слагается ея общая сумма,—въ народномъ эпосѣ ярко блестятъ тѣ обще-

*) I-й томъ „сочиненій“ К. С. Аксакова, ч. II, стр. 314.

ственные инстинкты, которые дали возможность бродячимъ племенамъ, еще въ доисторическій періодъ ихъ жизни,--дали возможность сплотиться въ единую, компактную, сложно организованную массу. Въ ряду этихъ чувствъ занимаютъ почетное мѣсто,—скажемъ опять словами Аксакова,—„чувство братства, чувство мира и кротости и многія общественныя и личныя добродѣтели“ *).— Таковы наиболѣе существенные мотивы содержанія пѣсенъ, которыми пѣснетворцы „жгли сердца людей“. Вотъ, напримѣръ, полная красотой и богатствомъ содержанія одна изъ подобныхъ пѣсенъ....

Ой на гори, на крутій, кузенька стояла;
Ой у тіи жъ та кузенци ковали кувалы;
Ой кувалы-гартувалы билое зализо.
— „Ой, ковале-коваленьку, на кого ты куешъ?
Чы на воривъ, на злодіивъ, чы на розбійнычкивъ,
Чы на того сыротыну, вдовыного сына?“—
—„Не на ворнвъ, на злодіивъ, не на розбійнычкивъ,
А на того сыротыну, вдовынаго сына,
Що піймалы, та звязалы—везлы до Полтавы;
Якъ прывезлы до Полтавы—ниженькы скувалы,
Якъ прывезли до Прилукы—закувалы й рукы,
Якъ прывезлы въ городочокъ—ставылы въ станочокъ,
Якъ поставылы въ станочокъ—забрылы лобочокъ...

Все это, конечно, дѣло обыкновенное, но вотъ на что слѣдуетъ обратить вниманіе. „Закованный по рукамъ и ногамъ рекрутъ“, въ то старое, ужасное, ,,рекрутское“ время, одни разсказы о которомъ наводятъ страхъ,—

*) Ibidem, стр. 315.

становится выше всего этого, и не только онъ малодушно не ропщетъ на свою злую долю, но какъ разъ на оборотъ. Но, впрочемъ, послушаемъ самого „сыротыну“:—

....Сюды гляну, туды гляну—нихто й не заплаче,
Якъ заплаче, зарыдае, сыротовска маты:
—„Не плачъ, мамо, не журыся—*на те я родывся,*
Що и Богу возлюбывся и Царю знадобывся“ *).

Таковъ основоначальный принципъ народной философіи. Въ немъ сила и мощь русскаго народа. Онъ—выше похвалы, не только съ этической стороны, но не менѣе того—съ исторической точки зрѣнія. Тѣмъ болѣе, что онъ яркою нитью проходитъ черезъ всю глубину народной жизни, помимо всего того, что въ теченіе исторической его жизни всплывало, мрачною порою, на поверхность, столь-же къ счастію зыбкую, какъ и скоро преходящую. Но чтобы еще ярче отѣнить житейскій смыслъ этого принципа народнаго міровоззрѣнія, мы приведемъ еще пѣсню, но ужъ изъ совершенно другой групны ихъ. Вотъ свиточная колядка, освѣщенная тѣмъ же принципомъ, но вдобавокъ и указывающая на историческія симпатіи украинцевъ. Одну строфу изъ этой пѣсни мы привели уже въ первой части нашей настоящей замѣтки. Эта колядка начинаетъ съ того, что рисуетъ веселую картину, какъ въ „ночь передъ Рождествомъ“—

....Ой ходылы, блудылы та коляднычкы
Выноградъ, ой красна—зелена!

*) См. „Малорусскія бытовыя пѣсни“, очерки Павла Чугуевца“, стр. 64.

Ой шукалы, пыталы сего пана двора,
Виноградъ, ой красна—зелена!

По вотъ они находятъ дворъ. Идетъ его описаніе и то, что въ немъ дѣлается. Теперь отецъ обращается къ сыну съ пожеланіями ему всего лучшаго:

....„Ой ты, сынку жь мій, ой ты, чадо мое,
Виноградъ, ой красна—зелена!
Ой не йидь на рику—*не служы королю*,
Виноградъ, ой красна—зелена!
Ой поидь на війну—послужы Богу й Царю!“ *)

Значеніе, которое сами по себѣ имѣютъ принципы народнаго міровоззрѣнія, отразившіеся въ народномъ эпосѣ,—еще болѣе, по моему, усиливается, если принять во вниманіе ту почву, на которой они выросли:—вѣдь здѣсь и тѣни нѣтъ искусственной выкладки ума, для красоты оборота которой могла-бы быть пожертвована естественная логика народнаго чувства. Непосредственная простота, безъискусссвенность народной музы—несомнѣнная порука въ томъ. Вѣдь народная поэзія—это душа народная. Да и кромѣ того, народный самобытный эпосъ, органически слитый съ народной жизнью, со всѣми ея нитями и корнями, такая своеобразная вещь, что для малѣйшей искусственной риторической натяжки рѣшительно въ немъ нѣтъ мѣста;—на оборотъ и своей глубиной, и своимъ безъискусственно-дѣвственнымъ разнообразіемъ и подчасъ черезъ чуръ элементарной простотой—онъ такъ разитъ „почвеннымъ русскимъ духомъ“, что дѣйствительная реальность его картины жизни такъ и брызжетъ.....

*) Ibidem, стр. 62.

Такъ, напримѣръ, какой наивной простотой вѣетъ отъ заключительныхъ строкъ только что цитированной колядки:—

Ой той тебе Царь та пожалуе,
Выноградъ, ой красна—зелена!
Та пожалуе ще й подарує,—
Выноградъ, ой красна—зелена!
Не рублемъ, не полтыною—молодой дивчыною!
Выноградъ, ой красна—зелена!
Не рублемъ, не копою—дивчыною молодою
Выноградъ, ой красна—зелена!

И колядка оканчивается привѣтствіями, обращенными къ сыну:—

Ой бувай же здоровъ, молодый Ивашко,
Зъ Исусомъ Христомъ, изъ Святымъ Рождествомъ,
Та не самъ съ собою—зъ отцемъ зъ маткою,
Зъ отцемъ зъ маткою—ще и зъ колядкою,

при чемъ послѣ каждой строки поется припѣвъ:

„Выноградъ, ой красна—зелена!“

Въ слѣдующей пѣснѣ, взятой мною изъ группы пѣсенъ, посвященныхъ описанію чумацкой жизни,—очень живо нарисована картинка, гдѣ народное „чувство братства“ весьма ярко свѣтитъ. По обыкновенію и здѣсь, какъ во всѣхъ образцахъ самобытно народнаго эпоса, рисуется очень простая, совершенно реальная картинка жизни.

Та запывъ чумакъ, та запывъ бурлакъ
У корчми на рыночку,
Та пропывъ чумакъ, та пропывъ бурлакъ
Волы—худибочку:

Ой оглядився та на другый день!—
Ажъ воливъ немае!
Якъ сивъ чумакъ та на визныци,
Тай плаче, рыдае.

Слѣдующія за симъ строки въ пѣснѣ именно и посвящены описанію интересующаго насъ „чувства братства!“—

Прыйшовъ до его та старый чумакъ—
Его розважаты.
—„Та не плачъ, чумакъ, та не плачъ, бурлакъ,—
У тебе волы будуть.
Якъ скынемось одъ воза по грывни,—
Тоби вола купымъ.
А скынемось отъ воза по другій—
Той другого купымъ“ *).

Но и этимъ дѣло еще не кончается. И старый чумакъ, видимо съ добродушной иронiей, прибавляетъ:—

„Що останетця та одъ волыка—
Похмелытся буде!
Що останетця тай одъ другого—
Закусыты буде!“

Въ этой пѣснѣ выступаетъ на сцену пьянство, разъѣдающее народную жизнь. Мы должны сказать, что далеко не во всѣхъ пѣсняхъ, затрогивающихъ это народное горе,—а такихъ пѣсенъ очень много—рисуется такое снисходительное къ этому пороку отношеніе народа. И въ народной поэзіи пьянство иллюстрировано, какъ самая злокачественная гнилая болячка, уродующая тихое и мирное теченіе патріархальной жизни. Пѣсни,

*) Ibidem, стр. 74.

гдѣ на сцѣнѣ пьянство, обыкновенно рисуетъ панораму картинъ самаго мрачнаго свойства. Такъ что можно смѣло утверждать, что народъ самъ приписываетъ пьянству почти все горе, несчастье, безурядицу, встрѣчающіяся въ его жизни. И пьянство воистину—самая скорбная страница во всѣхъ народныхъ невзгодахъ жизни. Почти нѣтъ того тяжкаго преступленія, съ которымъ лишь знакомо патріархальное крестьянство,—чтобы здѣсь такъ или иначе не фигурировало ненормальное состояніе по причинѣ пьянства, хотя иногда—какъ случайнаго ингредіента въ ряду другихъ причинъ *).—Въ народномъ эпосѣ, представляющемъ воспроизведеніе жизни, во всей ея цѣлости, со всѣми ея положительными и отрицательными элементами, пьянству посвященъ самый скорбный листъ. Сказавъ, что народныя пѣсни представляютъ весьма сходную съ дѣйствительной жизнью копію, мы должны прибавить, что житейская простота и безъискусственность въ полной мѣрѣ отразилась и на внѣшней формѣ народнаго поэтическаго творчества. Здѣсь также нѣтъ ни блестокъ, ни мишуры. Гипербола и риторика отсутствуютъ въ народныхъ пѣсняхъ. Метафоры и аллегоріи, здѣсь встрѣчающіяся, не выходятъ за предѣлы безъискусственной простоты, сильно этимъ отличаясь отъ „искусственной“ поэзіи. Скорѣе въ народныхъ пѣсняхъ можно найти склонность къ грубому реализму сравненій и выраженій!..... Но за то

*) Въ „Простонародной поэзіи про пьянство“ и въ пѣсняхъ про семейное горе я привелъ много такихъ образчиковъ мрачныхъ пѣсенъ. (См. „Малорусскія бытовыя пѣсни“, о положеніи женщины въ крестьянской семьѣ и про пьянство).

эта же полнѣйшая простота въ народномъ способѣ поэтическаго выраженія производитъ особую прелесть въ задушевныхъ лирическихъ пѣсняхъ, гдѣ народъ знакомитъ насъ съ языкомъ своихъ душевныхъ настроеній. Эта-то изящная народная простота въ способѣ выраженія душевнаго настроенія и отразилась въ лучшихъ лирическихъ пьесахъ Шевченка.—Теперь мы, само собою, дошли въ свиткѣ самобытно-народныхъ пѣсенъ до тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ поется про любовь, про ея муки и радость. Но это ужъ черезъ чуръ популярный родъ народныхъ пѣсенъ. Мы не будемъ на немъ долго останавливаться. Общее душевное настроеніе, въ нихъ выражаемое, все въ такомъ родѣ:—

....Ой горе, та горе, та нещастная доле!
Ой орала дивчына мысленькамы поле,
Карымы очыма тай заволочила,
Дрибнымы слезамы рилю примочыла....

Или:—....Ой гаю мій, гаю,
Та густый, та зеленый,
Ой упустывъ голубку,
Упустывъ сызеньку....

И всегда въ отвѣтъ на то:—

„Де-жъ ты мылый, чорнобрывый, де ты—озовыся?
Я безъ тебе тутъ горюю....“—

Мы узнаемъ изъ пѣсенъ также про то, что въ свою очередь—

Не знае дивчына—чого козакъ плаче!..
Плаче козакъ, плаче—самъ не знае чего...

А потому мы поспѣшимъ оставить этотъ родъ хотя и сладкозвучныхъ пѣсенъ, но уступающихъ другимъ

группамъ ихъ солидностью содержанія. Тѣмъ болѣе въ этомъ „общечеловѣческомъ“ родѣ пѣсенъ про любовь, въ ея обыкновенномъ смыслѣ, не является столько типическихъ культурныхъ народныхъ чертъ, какъ въ другихъ родахъ самобытнаго народнаго эпоса.

Любовный элементъ играетъ также существенную роль при заключеніи браковъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ множество пѣсенъ, чѣмъ и характеризуется народный взглядъ на бракъ,—не какъ на простой „договоръ“. И болѣе того—въ народной жизни бракъ окутанъ фантазіей въ ореолъ мистическаго суевѣрія,—о чемъ ясно говорятъ напримѣръ слѣдующія пѣсни, трагикомическаго характера.—

Ой ходывъ я на улыцю—
Тай теперъ я каюсь:
Улюбывся я въ дивчыну—
Тай у сни жахаюсь!
Така била, повна, гарна—
Хто не гляне—ахне!
Пишовъ бы я й сватать—
Такъ гарбузомъ пахне!

И вотъ, чтобы не пахло гарбузомъ, чтобы дивчына полюбила,—сынъ обращается къ своей матери:

....Иды, маты, иды, ридна—
Ворожки пытаты:
Чы не знайде того зилья,
Щобъ Маруси даты,
Щобъ Маруся, моя дуся,
Мене полюбыла,

Свою ручку, повну, гарну,
Мени заручила.

Но вотъ новая бѣда,—которая состоитъ въ томъ, что—

Злытпвъ пивень на загату,
Крыкнувъ кукарпку.....
Ой теперъ же, моя маты,
Не женюсь до вику!....
Ой теперъ же, моя маты,
Хозяйства ришуся....
Продамъ волы, всю худобу,—
Въ ченцы (*монахи*) запышуся *).

А вотъ со стороны обрядового обычая является препятствіе ко вступленію въ бракъ:—

Черезъ два дворы,—
То кума моя,
А у кумы—дивчына,
То—душа моя.
Ой я зъ кумою.
Розкумаюся!
Съ кумынымъ дивчамъ
Повинчаюся!

Но, увы, вопреки желанію хлопца и даже не смотря на ту „копу" денегъ, которую хлопецъ отнесъ „попу", все жъ таки, какъ то требуетъ обрядъ—

....И пипъ не звинчавъ!

Копа пропала!—такъ грустно заканчиваетъ хлопецъ.

Грустной нотой звучатъ пѣсни о насильственныхъ бракахъ, наперекоръ чувству вступающихъ въ него

*) См. „Малорусскія бытовыя пѣсни", Очерки Павла Чугуевца, стр. 33.

лицъ,—каковые браки, какъ можно полагать на основаніи имъ посвященныхъ пѣсенъ, часто встрѣчаются въ народной жизни. . . .

Два голуба воду пылы,
А два сколотылы,
Бодай тіи распропалы,
Що насъ розлучилы.
. . . .
Зъ коханнои пары,—этотъ мотивъ горя очень часто попадается въ народныхъ пѣсняхъ, въ той или иной формѣ его.

Но вотъ на что слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе въ такихъ насильственныхъ бракахъ:—мораль „стерпится—слюбится" въ нихъ строго проведена.

Будь щастливый изъ тіею,
Котру ты кохаешь,
А надъ мене вирнійшои
На свити не найдешь. . .—такъ поетъ разлученная „изъ коханной пары" молодичка.

Но, увы, далеко не всегда заживаетъ рана неудовлетворенной любви, и бѣдная молодичка, какъ не старается побороть себя, чтобы „стерпѣлось—слюбилось",—изнемогаетъ и чахнетъ въ тяжелой борьбѣ. . . Иногда на этомъ фонѣ разыгриваются еще болѣе тяжелыя драмы. Напримѣръ:—

Жена мужа взненавыдыла,
Повела у садокъ—тай заризала,

Не зарызала та замучыла,
Противъ серця ножъ залучыла....

Но справедливость требуетъ сказать, что изъ 318 пѣсенъ, бывшихъ у меня въ рукахъ,—только одна изъ нихъ съ такимъ кровавымъ, трагическимъ колоритомъ. Обыкновенно же, семейныя несчастья разрѣшаются болѣе или менѣе мягкимъ образомъ. Но даже и въ нормально заключенныхъ бракахъ, т. е. на основаніи взаимной любви вступающихъ въ бракъ, обыкновенно до поры до времени молодичкѣ приходится испивать довольно горькую чашу, преимущественно отъ свекора и свекрухи, о которыхъ во многихъ пѣсняхъ поется въ родѣ слѣдующаго.....

А свекруха вечерять варе,
А свекорко дубыночку паре,
Дубыночку та й ще суковату
На невисточку та на дурковату....

За то совершенно иное отношеніе въ семьѣ къ молодой женѣ рисуется со стороны ея мужа, отца и матери..... Напримѣръ, — вотъ какъ поетъ объ этомъ молодичка.. ..

Ой иду я, йду
Та йдучы дримлю,
Прыклоню головоньку
Къ хрещатому барвыноньку—
Ляжу та й засну.
Ажъ мылый (т. е. мужъ) йде,
Та вглядивъ мене:—
„Моя мылая, дорогая,
Выйшла замижъ молодая—
Ляжъ и ще засны!“

Точно то-же поютъ ей и ея родители, при тѣхъ же условіяхъ, что и въ предыдущемъ случаѣ. Но полное свое значеніе женщина пріобрѣтаетъ въ крестьянской семьѣ, когда она съ мужемъ становятся на своемъ собственномъ хозяйствѣ. Здѣсь выростаетъ все громадное, въ народномъ быту, значеніе хозяйки, домоправительницы,—значеніе ея въ семьѣ и домашнемъ хозяйствѣ. „Баба да кошка въ хатѣ, что мужикъ да собака на дворѣ и за сохой"—вотъ она народная хозяйственная единица, съ ея естественной дифференціаціей правъ и труда.—Что касается супружеской вѣрности въ крестьянской семьѣ, и на это мы имѣемъ прямое свидѣтельство въ пѣсняхъ. Напримѣръ, вотъ романическая картинка. Рисуется хлопецъ, влюбленный въ дивчыну, которая вышла замужъ за другого.....

Ой любывъ, любывъ молоду дивчыну—
Не досталося мыни.
Ой досталася хорошая дивчына
Товарыщу моему.

Тогда хлопецъ прибѣгаетъ къ другому средству:—

Ой выкопаю глубокій колодезь
У батенька на двори:
Чи не выйде молода дивчына
По воду на зори.

И дѣйствительно, она вышла. Тогда—

Ой туды выгнавъ молодый козаче
Воронїи кони напувать.
Ой просывъ, просывъ новаго ведерця—
Вона ему не дала.

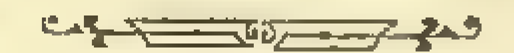
Ой дававъ, дававъ золоте колечко—
Вона его не взяла.

Вообще надо сказать, что такая идиллія отношеній подчасъ очень жестоко оберегается народными обычаями и нравами. Эта чистота нравовъ, и досихъ поръ все по прежнему составляющая завидный контрастъ съ разнузданной фабрично-заводской или городской жизнью *), окупается подчасъ очень дорогою цѣною кары народной, гдѣ „дубиночка", „нагаечка та дротяночка" ходятъ на всемъ просторѣ. Напримѣръ,—

Ой темная, та невыдная ниченька,
Ой дурна, та нерозумна дивчына,
Ой сама веде зъ корчмы та за рученьку пьянаго,
Кладе спаты та на пуховій кровати,
Сама жъ иде у зеленый садъ гуляты,
Тай забула соловейку приказаты:
—„Соловейка, ты раненькая пташечка,
Не щебечы ты ранесенько на зори—
Не збуды ты мылого въ комори"....
Яжъ думала, що мій мылый спыть—не чуе,
Ажъ винъ на мене нагаечку готуе!
Я жъ думала, що нагаечка—зъ папиру (бумажная),
Ажъ нагаечка—зъ проклятаго ремeню!
Я жъ думала, що нагаечка—шуточка,
Ажъ якъ ударыть—той разсядетця шкурочка!

*) Напримѣръ, въ 1886 году, кажется, были собраны статистическія данныя по Харьковской губерніи, давшія наглядное доказательство большей развращенности нравовъ для городовъ, чѣмъ для деревень.

Такою дорогою цѣною оплачивалась въ патріархальномъ быту ненормальность въ бракахъ, заключавшихся наперекоръ чувству соединявшихся лицъ *).

*) Народныя пѣсни рисуютъ полную и подробную картину положенія женщины въ крестьянской семьѣ, отъ колыбели и до гробовой доски. (См. „Бытовыя условія положенія женщины въ крестьянской семьѣ“,—въ моихъ очеркахъ о малорусскихъ пѣсняхъ).

ВЪ НОЧЬ ПОДЪ „ИВАНА КУПАЛА“.

„Проснись, лѣнивый соня, стряхни съ себя тяжелый сонъ, который давитъ тебя, какъ кошмаръ!“

Изъ Карлейля.

Изъ того, что было въ глубокую, сѣдую старину, у насъ теперь осталось весьма мало. Еще-еще развѣ въ глубинѣ народной жизни иногда проскользаетъ хоть самая малость того, чѣмъ была старинная, прежняя жизнь нашихъ дѣдовъ и отцовъ, канувшая отъ насъ, „героевъ современности“, въ Лету забвенія и глумливой насмѣшки. И весь чудный, таинственный міръ романтическихъ грезъ, окутанный въ покрывало поэтическихъ идеаловъ и образовъ, скрылся отъ насъ..... И жизнь „героевъ современности“, чѣмъ время идетъ дальше, тѣмъ все больше становится такимъ „сухимъ коржомъ“ (выражаясь фигурально), отъ котораго становится скучно до тошноты жить на бѣломъ свѣтѣ. Наши „герои современности“, не обрѣтая „внутри себя“ ничего, кромѣ душевной пустоты, нравственно-психическаго оскудѣнія, разслабляющаго самую охоту жить, да небо коптить,—съ другой стороны не находя толчка и извнѣ, въ окружающей средѣ, все такой же блѣдной, полинялой жизни, утратившей весь вкусъ и красоту, столь замап-

чивые прежде, въ вѣкъ „романтизма",—такая жизнь стала юдолью скуки для однихъ, лишь требующихъ отъ жизни наслажденій,—и юдолью безъисходной тоски для другихъ, болѣе глубокомысленныхъ.... И вотъ—говоря словами печальника земли русской, К. Кавелина,—„люди" (какъ будто-бы за суетностью всего другого) „бросаются очертя голову въ наслажденіе жизнью; здѣсь имъ кажется и свободнѣй и привольнѣй. Смакованіе житейскихъ благъ, жизнь, не омраченная скучными заботами о какихъ-то сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ очень далекихъ и туманныхъ принципахъ, связывающихъ душу человѣка по рукамъ и ногамъ—что же можетъ быть лучше на бѣломъ свѣтѣ, пока живется?"

— Такъ разсуждаютъ—думая, что они правы по своему—„герои современности", въ головахъ у которыхъ царитъ такая безурядица, такая полная анархія въ мысляхъ и воззрѣніяхъ, что прямо приводитъ ихъ сначала къ ослабленію, а затѣмъ и полному отрицанію всякихъ идеальныхъ порывовъ, стремленій, цѣлей. И К. Кавелинъ считаетъ этихъ „героевъ современности" самыми злѣйшими и опаснѣйшими врагами нравственно-психическаго развитія, грозящаго перейти въ нихъ съ теченіемъ времени въ полной степени атрофію. И когда это случится, когда эти герои современности побѣдятъ всѣхъ остальныхъ въ житейской борьбѣ за существованіе, и побѣдятъ непремѣнно въ силу своей заразительности въ жизни—что будетъ тогда?.... Въ какую пакость тогда-то жизнь обратится? Но не заходя такъ далеко, подобная современная неурядица имѣетъ и теперь уже свой заколдованный кругъ, изъ лабиранта

котораго мудрено выскочить. Такъ напримѣръ: (снова читаемъ у Кавелина) „Но вотъ бѣда: чтобъ наслаждаться жизнью нужны средства. Хорошо, когда кто ихъ имѣетъ; а у кого ихъ нѣтъ, тому надо позаботиться ихъ пріобрѣсти. Такимъ-то образомъ, докучливые этическіе идеалы исподоволь замѣняются другими, болѣе близкими и практическими — идеалами наслажденія и наживы. Но и на этомъ пути есть свои печальныя неожиданности и помѣхи: недостатокъ средствъ, болѣзни, неудачи. Оказывается, что жить не стоитъ. Къ этому-же результату приходятъ не одни жуиры, „сожигатели жизни съ обоихъ концовъ“, но и благороднѣйшія сердца, честнѣйшіе идеалисты, обманувшіеся въ своихъ возвышенныхъ надеждахъ и помыслахъ. Зачѣмъ, для чего жить? — спрашиваютъ не одни праздные гуляки, но и разнаго разбора неудачники: если жизнь не даетъ удовлетворенія, радостей, то къ чему она? Лучше не жить“.

И вотъ самое послѣднее слово—„героевъ современности“ — петля на шею, какъ выходъ изъ этого заколдованнаго круга странныхъ иллюзій, порожденныхъ эпохою времени, гдѣ люди до такой степени сбились съ панталыку, что потеряли „чутье къ дѣйствительности“, что для нихъ, говоря словами Карлейля, сказанными имъ болѣе полувѣка тому назадъ—что для нихъ:—„міръ сдѣлался такою нескладною мельницей, что дѣятельность чуть не каждаго человѣка перепуталась съ дѣятельностью его сосѣда, съ намѣреніемъ направить ее на ложный путь, а духъ невѣжества, лжи, ненависти твердо держится между нами и питаетъ надежду сдѣлаться господствующимъ. Такимъ образомъ,

романтизмъ жизни совершенно исчезъ изъ виду, и вся исторія...—мертва, какъ календарь истекшихъ годовъ".

Кавелинъ видитъ въ такомъ печальномъ ходѣ современной культуры нашихъ интеллигентовъ, впавшихъ въ окончательное уныніе или въ безпардонное прожиганіе жизни и соприкосновенное съ нимъ желаніе „какъ можно больше награбить денегъ", чтобы было на что прожигать жизнь,—видитъ не одно вліяніе такъ имъ называемыхъ „научныхъ предразсудковъ", мѣшающихъ людямъ проникнуться этическими идеалами, всецѣло обратиться въ развитіе „субъективныхъ идеаловъ", живущихъ лишь на днѣ нашей *души*, но по его мнѣнію нравственнымъ идеаламъ стоятъ поперекъ дороги (отчего происходитъ и зло) предразсудки другого рода. Но вотъ именно характеристика этихъ иного рода предразсудковъ и приводитъ насъ снова къ констатированію того факта, что (какъ мы ихъ любимъ называть) *темныя массы простаго народа* стоятъ куда выше интеллигентовъ въ рѣшеніи самаго глубокаго жизненнаго вопроса, на тему: въ чемъ смыслъ жизни и въ чемъ ея счастье? И констатированіе этого факта большей разумности въ средѣ простаго народа, чѣмъ въ интеллигенціи,—констатированіе, сдѣланное такимъ глубокимъ ученымъ, какъ К. Кавелинъ, мнѣ кажется должно бы принудить „интеллигенцію" посмотрѣться въ зеркало и бросить вздорную мысль „врачевать язвы народныя" въ то время, когда она сама пришла къ заколдованному кругу странныхъ иллюзій и къ такому нравственно-психическому оскудѣнію, что выходъ изъ сего, въ концѣ концовъ, одинъ — пуля въ лобъ. Не скажетъ ли интеллигенціи

нашъ простой народъ: прежде чѣмъ меня лѣчить, „врачу, исцѣлися самъ?“....

Печалуясь сколько пропадетъ даромъ въ средѣ интеллигенціи живыхъ силъ по причинѣ ея современнаго, такъ сказать, нравственно-психическаго худосочія, Кавелинъ пишетъ:—„А откуда отчаяніе? Только вслѣдствіе привычки останавливаться въ пассивномъ созерцаніи, неумѣнья переходить отъ мысли къ дѣлу, непониманія дѣйствительныхъ отношеній между идеаломъ и дѣломъ. У нашего простого народа ясный и правильный взглядъ на эти отношенія выразился очень мѣтко въ пословицѣ: глазамъ страшно, а рукамъ не страшно; т. е. съ виду неосуществимое осуществляется, когда примешься за дѣло“ *).

И въ самомъ дѣлѣ, нашъ „нищій духомъ“ мужикъ оказывается болѣе богатымъ именно *духомъ*, сравнительно съ нравственно-психически худородною интеллигенціей послѣдней эпохи въ циклѣ ея культурнаго развитія. И въ то время, какъ исторія культурныхъ слоевъ —мертва, какъ календарь истекшихъ годовъ, и представляетъ собою самую печальную страницу въ ряду себѣ подобныхъ, гдѣ самоубійства перемѣшиваются съ прожиганіемъ жизни и алчными инстинктами,—исторія жизни темныхъ массъ простаго народа просачивается „духомъ живымъ“, въ силу чего не только не теряетъ своей разумности, но имѣетъ и „идеалы“ и „дѣло“, сохраняя, говоря словами Кавелина, *пониманіе дѣйствительныхъ отношеній* между ними. Мало того самая цѣнность жизни въ глубинѣ массы народа стоитъ выше,

*) „Задачи этики“ стр. 75—76.

Но вотъ зашелохнулся очеретъ, что-то пискнуло въ немъ и перерѣзало воздухъ надъ нашими головами. Хохленокъ притаился. То, конечно, и было всего, что пролетѣла летучая мышь. Хохленокъ свободнѣе вздохнулъ.

— Слушай, почему же неловко, какъ ты говоришь, ѣздить сегодня по такимъ мѣстамъ?.... Вѣдь здѣсь теперь, смотри, какъ хорошо...

— Э, э.... Та ну бо вамъ...

Но я, хотя и замѣчалъ, что было крайне непріятно бесѣдовать на такую тему моему компаніону, былъ на столько не деликатнымъ, что не только не далъ этого ему замѣтить, но по прежнему вызывалъ его на разговоры, на „таинственную" тему, все болѣе и болѣе заинтересовываясь хлопчикомъ.

Оказалось, что съ моимъ компаніономъ былъ такой „случай", повторенія котораго онъ не хотѣлъ сегодня ночью вызывать даже мысленно. Разсказъ мальчика начался съ того, что онъ увѣрялъ меня, по словамъ своего батьки, въ томъ, въ чемъ я и самъ не сомнѣвался, а именно, что при „батькахъ" было лучше, чѣмъ теперь. И лѣсовъ было больше, и небо синѣе, и воздухъ былъ прозрачнѣе, и рѣка была глубже, и дождей было больше, и солнце пекло жарче, и хлѣба было больше и... и такъ далѣе! всего, чѣмъ была красна прежняя жизнь, по словамъ мальчика, и не перечтешь.

— Что же изъ этого? Я вѣдь не про это тебя спрашивалъ.

— Ничего. Такъ батька говорилъ.

— Ну, хорошо, говорилъ—такъ и говорилъ.... А какой же „случай“ былъ съ тобой?

— Случай?.. И хохленокъ почесалъ себѣ потылицу, потомъ началъ такъ живописать...

-- Такъ вотъ же я и говорю, что жита тогда у насъ было много... Хорошо. Вотъ батька и послалъ меня въ клуню—посмотрѣть на жито... Я взялъ кіекъ... Прежде, чѣмъ идти на жито смотрѣть, я пошелъ къ воротамъ, что выходили въ поле. Это было подъ „Ивана Купала“. Смотрѣлъ я, смотрѣлъ въ поле—долго-ли не знаю уже—и вижу: мрѣетъ что то какъ будто въ серединѣ поля. Потомъ оно начало вертѣться на одномъ мѣстѣ кругомъ себя. Оно что то дѣлало, да я разобрать не могъ, малъ былъ. Что это такое было, я и самъ не знаю. Я испугался и пошелъ въ садокъ, на огородъ. Что тутъ у насъ было кавуновъ, да огурцовъ—страсть!...

Хохленокъ передохнулъ.

— Около садка былъ глубокій яръ, съ вербою на краю. Этотъ яръ велъ къ сосѣднему огороду, уже чужого двора. Этотъ дворъ былъ раздѣленъ въ сторонѣ перегородкою. Когда я стоялъ у яра, около огурцовъ и кавуновъ, вдругъ услышалъ изъ нея (вѣроятно перегородки) какой то странный шорохъ. А затѣмъ показались, какъ будто, дѣти, только съ длинными косами позади. Они гурьбою перебѣжали черезъ яръ и мимо чужого двора, перескочили черезъ перегородку и скрылись дальше. Я, видя все это, пожелалъ знать, что будетъ еще дальше? Скоренько сошелъ въ яръ,

чтобы поискать этихъ дѣтей съ косами позади и чтобы получше ихъ разглядѣть. Потому что—что это такое было, я не взялъ еще тогда себѣ въ толкъ. Спустился въ яръ, но ничего тамъ не нашелъ... Крапива, бурьянъ—и больше ничего. Тогда я пошелъ назадъ. Подойдя къ воротамъ, я посмотрѣлъ опять въ поле, чтобы увидѣть тамъ то, что крутилось кругомъ себя на одномъ мѣстѣ, но и этого уже не было теперь въ полѣ. Тогда я пошелъ въ клуню—жито посмотрѣть. Тамъ былъ батько. Я разсказалъ ему, что видѣлъ. Батько сказалъ про то, что вертѣлось на одномъ мѣстѣ кругомъ себя, что это былъ „вовкулака", а—про дѣтей съ косами позади, что это—русалки. И сказалъ еще, что такъ всегда бываетъ передъ „Иваномъ Купаломъ".

Я было рискнулъ пошатнуть авторитетъ батьковскаго объясненія, но, увы, напрасно. Хохленокъ только разсмѣялся отъ моего „незнанія" того, что всѣ „люди" знаютъ. Такъ мы и остались каждый при своемъ мнѣніи.

Ѣдемъ далѣе. Ночь становится все интереснѣе. Проѣхали мы черезъ лѣсъ. Лѣсной шумъ и трескъ во мракѣ ночи щекотали наши нервы. Фантазія напряжено работала. Что грезилось теперь намъ здѣсь, не къ чему передавать. Деревья, летучія мыши, шелестъ какой нибудь вѣтви, крикъ лягущекъ, перелетъ ночныхъ птицъ, ихъ своеобразные голоса, все это и множество другого, неуловимаго для передачи на бумагѣ, казалось намъ таинственно-прекраснымъ, куда-болѣе интереснымъ, красивымъ и лучшимъ, чѣмъ въ обыкновенное время. Такъ было здѣсь все теперь диковинно и прекрасно, закутанное въ мракъ ночной тиши и грезъ

нашихъ фантазій, что не хотѣлось разстаться съ этимъ чуднымъ, точно заколдованнымъ міромъ „чудесъ“.......

Но вотъ вдали передъ нашими глазами открылась другая картина, еще болѣе прекрасная. Едва мы выбрались изъ лѣса, какъ замерцалъ шаловливыми огоньками роскошный видъ украинскаго поселка, разбросаннаго, утопающаго среди садовъ и зелени, по крутому пригорку, спускавшемуся къ лѣниво протекавшей, промежъ лѣсовъ и луговъ, задумчивой рѣчкѣ, съ водой прозрачной, какъ стекло... И легкій, едва замѣтный вѣтерокъ заколыхалъ, при всходѣ луны, дремлющую листву деревьевъ, и покрылъ онъ тихую рѣчку зыбью, огнями засверкавшею... Какъ здѣсь хорошо стало теперь!... И по верхъ всего этого, въ воздухѣ звучали веселыя пѣсни звонкихъ, серебристыхъ, дѣвическихъ голосовъ... И все это, и шелестъ листьевъ, и плескъ воды, и легкій вѣтерокъ, въ дребезги разбившійся о лѣсную громаду, силу и мощь, все это смѣшивалось въ одинъ поэтическій аккордъ, въ одну волшебную картину... Но вотъ блеснули огоньки... Берегъ рѣчки покрылся небольшими кострами... Дѣвическія пѣсни еще громче, еще звучнѣе разносились вдоль берега, чуднымъ эхомъ отдаваясь въ лѣсу. И чѣмъ-то страннымъ звучали въ эту ночь эти дѣвическіе голоса, нарушавшіе глубокую тишину, обычный покой, наступавшій здѣсь съ вечерней зарей. И гуси на рѣчкѣ, приплывъ къ зеленому берегу луга, было начавшіе тихо, мѣрно плескаться, выбираясь изъ воды, расправляя свои крылья, испугались, встрепенулись, загоготали, будто совѣтуясь

про себя и поворотивъ свои длинныя шеи, собрались въ кучу, поспѣшили уплыть дальше.

.... Запоздавшій рыболовъ также раскрылъ ротъ и притаился, забывъ окончить свое дѣло и причалить къ берегу челнокъ. И онъ, повидимому, залюбовался на эту картинку дѣвическихъ игръ, бывающихъ лишь разъ въ году, ночью подъ „Ивана Купала".

Дѣвическіе голоса стоновились явственнѣй, роскошнѣе, по мѣрѣ нашего приближенія.

И вотъ до нашего слуха отчетливо доносилась пѣсня, старинная, весенняя...

Селезеню косатый,
Сызый, волохатый,
Та люли—люлюшеньки!
Сызый, волохатый,
Сызый, волохатый
Ще й черный, чубатый!
Та люли—люлюшеньки,
Ще й черный, чубатый!
Та поплынь, селезеню,
Та вплавъ за водою,
Та люли—люлюшеньки,
Та вплавъ за водою!
Та вплавъ за водою,
Та въ лугъ за травою.
Та люли люлюшеньки
Та въ лугъ за травою!
Та скажы, селезеню,
Якъ старп бабы скачуть?
Та люли—люлюшеньки,

Якъ старп бабы скачуть?
— Оттакъ искорчывшысь,
Оттакъ изморщывшысь.
Та люли—люлюшеньки,
Оттакъ изморщывшысь.
Та скажы, селезеню,
Якъ дивчата скачуть?
Та люли—люлюшеньки,
Якъ дивчата скачуть?
— Оттакычкы въ скокы,
Та взявшыся въ бокы,
Та люли—люлюшеньки,
Та взявшися въ бокы.

И разодѣтыя по праздничному дѣвчата, разукрашенныя квитками, нѣкоторыя въ вѣнкахъ, сплетенныхъ изъ полевыхъ травъ и цвѣтовъ, перескакивали черезъ зажженные костры... Смѣхъ, крикъ, одобренія, насмѣшки неслись со всѣхъ сторонъ играющихся деревенскихъ дѣвушекъ.

— А малыя дѣвочки, объяснялъ въ это время мнѣ мой хохленокъ, у себя на дворахъ прыгаютъ черезъ крапиву. Взрослыя дѣвушки перескакивающія черезъ костры, не принимаютъ въ свою компанію маленькихъ дѣвочекъ *).

И что-то дикое, фантастическое, непосредственное, но очаровательное было въ этой живой картинѣ народнаго, *дѣвическаго* игрища, смыслъ котораго для нихъ

*) Кстати, въ этомъ году еще даже городскія крестьянскія дѣвушки перепрыгивали черезъ зажженные костры. На городской каланчѣ въ г. С., какъ мнѣ передавали, ударили въ набатъ, думая что то пожаръ, а не дѣвическія игры.

теперь потерянъ; осталась одна только бытовая, чисто народная забава... Но какую она представляетъ красивую картинку!... А сколько здѣсь смѣха, веселья!... И изъ за чего, подумаешь?!... Въ чужѣ завидно становится. Пѣсни и пляски стояли здѣсь далеко за полночь.... Пѣлись здѣсь разныя и весельнія, и купальныя, и косарскія, и просто шутовскія пѣсни... Въ родѣ, напримѣръ, слѣдующей:

А мы сино громадылы,
Кудрявого принадылы,
Ой кудрявого,
Кучерявого,
Винъ кудрямы затрясе,
Горилочкы принесе,
Ой дай, пане, дай
Горилочкы намъ... И т. далѣе.

Или вотъ, какъ далѣе поется въ этой же пѣснѣ:

Наша пани пышна
За ворота вийшла,
Вийшла проты насъ—
Выглядаты насъ,
Ой вынесла три скрыпочкы,
А четвертый басъ,
А четвертый басъ!
Ой заграла у скрыпочку—
Звеселыла насъ,
Звеселыла насъ!
Всимъ дивочкамъ по скрыпоцци,
Сыротыни—басъ,
Сыротыни—басъ,

Вси дивочки пійшлы въ скокы
Сыротына—въ плачъ,
Сыротына въ плачъ... И т. далѣе.

Такъ поютъ, танцуютъ, прыгаютъ черезъ огонь малороссійскія красавицы изъ простонародія (и даже современнаго) до поздней ночи...

Завтра на утро ихъ ждетъ новая забава, новыя бытовыя игры, также не только имѣвшія, но и теперь имѣющія широкое распространеніе. Не знаю только, существуетъ-ли до сихъ поръ эта игра „въ топленіе русалки" въ средѣ городскихъ крестьянскихъ дѣвушекъ,—въ глуши деревенской жизни она и до настоящаго времени сохранилась. Эта бытовая игра состоитъ въ томъ, что дѣвушки въ самый день „Ивана Купало" дѣлаютъ изъ тряпокъ куклу; одѣваютъ ее самымъ нарядным образомъ, вдѣваютъ ей серги, шею повязываютъ намистомъ и затѣмъ такимъ образомъ разодѣтую несутъ ее на рѣку или на прудъ, если нѣтъ рѣки. Здѣсь снимаютъ съ нея серги, намисто, раздѣваютъ ее и наконецъ топятъ въ рѣкѣ, или прудѣ. Въ теченіи всей этой обрядности поется слѣдующая пѣсня...

Ой Петривочка—мала ничка;
Не выспалась наша дивочка.
Всю ничъ не спала—шнуры сукала;
Ой шнуры-жъ мои валовыи,
Путалы кони вороніи;
Ой путала й попускала...
Ой у ставочку купалася,
На бережку сушылася.
На бережку—калынонька,

А на калыни зузуленька;
Вона не кувала—правду казала:—
„Ой горе тій невистонци,
У которои зовиць много,
А диверочка—ни одного.
Куды не пидуть—все невисточку судять:
Наша невисточка не робитныця,
Нашому добру не кукибныця,
Нашому роду не прывитныця“.
Ой Петривочка мынаетця—
Сыза зузуленька ховаетця
То въ очерета, то въ болото,
То въ руточку, то въ мяточку,
То въ зеленую капусточку.

Но болѣе глубокій, житейскій смыслъ и въ этой бытовой игрѣ отошелъ на задній планъ, такъ что налицо осталась одна забава. И дѣвушки, и теперь забавляющіяся въ день „Ивана Купала“ этой игрой, сами не знаютъ, что она означаетъ, или означала въ глубокую старину, когда, по всей вѣроятности, и сама, приведенная мною пѣсня сложена была народомъ...

Такъ, въ глубинѣ народной жизни, если стать присматриваться къ ней, многое еще сохранилось дѣвственнымъ, не тронутымъ, не смотря на всѣ старанія, съ той или другой цѣлью, вырвать изъ жизни народной ея бытовые, историческіе элементы, придающіе и до днесь своеобразность бытовой физіономіи нашего крестьянства...

Святой Вечеръ.

Ликуетъ и веселится родное село, лишь заслышитъ, что рождественскія святки идутъ... Крутое-ли, въ родѣ теперяшняго, время, или нѣтъ—все равно. Тому, у кого чисто на сердцѣ, и въ пищитѣ, знать, весело... Ликуетъ село; съ края и до края оно оглашается голосомъ какой-то неземной радости...

Радуйся, земле, веселися, Боже нашъ,
Сынъ Божій народился...

—такъ отражается въ сердцѣ, чувствѣ и мысли сокровенный смыслъ того великаго, мірового событія, съ котораго, говоря словами народной пѣсни,

Нова рада стала,
Якои не бувало:

Забывъ неурожай, безработицу, бездорожье и прочія бѣды, деревенская молодежь, расхаживая по домамъ, поетъ:

Чы дома, дома
Панъ господарь?
А я знаю,
Що винъ дома:
Сыдыть же винъ
Въ кинци стола,

А на ему
Шуба—люба,
А на шубоцци—
Поясочекъ,
На поясочку
Калыточка,
А въ калытоцци
Симъ шеляжечкивъ.
Сему—тому
По шеляжечку,
А намъ давайте
По пырожечку.
Хай вамъ родятця
Бычкы, теличкы,
А намъ давайте
Горячи полянычкы...

И какой-нибудь толстопузый, съ полными карманами, деревенскій тузъ Тарасъ Дуля пріятно улыбается, трясетъ мошной, велитъ подавать и горячихъ пирожочковъ и паляничекъ и еще ждетъ не дождется, чтобы услышать—

Щедрыкъ—ведрыкъ,
Дайте вареныкъ,
Грудочку кашкы,
Кильце ковбаскы;
Дайте кышку—
Зъимъ у затышку́,
Дайте ковбасу—
До дому понесу;
Ще й того мало:
Ще кусокъ сала

И паляныцю,
И варяныцю
Дай, Боже, вечиръ добрый!
Дайте пырігъ довгый,
Зъ рукамы, зъ ногамы.
Якъ не дасте пырога,
Визьмемъ вола за рога,
Будемъ воломъ робыты,
У ригъ трубыты.

И патріархальный, не отрѣшившійся отъ завѣтовъ старины, гостепріимный хозяинъ не остается въ накладѣ;—колядники ему сулятъ:—

Пане-господарю!
Богъ тебе клыче,
Святый вечиръ.
Богъ тебе клыче
Даръ тоби дае:
Святый вечиръ.
Два ланы жыта,
Третій пшеныци.
Святый вечиръ.
Третій пшеныци—
На паляныци
Святый вечиръ.
Четвертый овса
И колядка уся.
Святый вечиръ.

Въ такіе дни праздниковъ, глухая русская деревня особенно сильно отличается по своей манерѣ жить отъ жизни городовъ, съ ихъ общественною обособленностью,

розпью, безучастностью... Деревня же въ это время вся ликуетъ и радуется, или, справедливѣе сказать, такъ еще водится тамъ, гдѣ жизнь течетъ въ старомъ руслѣ.

Сколько мнѣ ни случалось при такихъ условіяхъ встрѣчаться съ ними, какъ напримѣръ, хоть бы у толстопузаго Тараса Дули,—колядники всегда стояли на высотѣ полнаго приличія, сдерживая торжественнымъ случаемъ даже свою обычную шероховатость, которая такъ присуща веселящемуся простонародью... И только разъ вышло, что, когда хоръ бѣдныхъ, въ латанныхъ свытынахъ, несуразныхъ сапожищахъ дѣвушекъ—колядницъ началъ пѣть величанье курносой и безобразной дочери разжирѣвшаго туза, дѣвушки невольно разразились лукавымъ хохотомъ и заставили покраснѣть по самыя уши курносую красавицу, которой онп нехотя должны были льстить, ибо изъ пѣсни слово не выбрасывать.

Ой, красна, ясна калыночка въ лузи,
Святый вечиръ.
А ще краснпша въ панъ-отця дочка.
Святый вечиръ.
Въ панъ-отця дочка, дивка Марьечка,
Святый вечиръ.
Изъ двора сходе, якъ мисяць сходе,
Святый вечиръ.
А въ дворъ уходе, якъ заря сходе
Святый вечиръ.
Извыла винець, та й пишла въ танець.
Святый вечиръ.
Ой де взялыся та буйни витры
Святый вечиръ.

Скинулы винокъ та въ тыхый Дунай.
Святый вечиръ.
Ой пишла жъ вона лужкомъ, бережкомъ,
Святый вечиръ.
Тай стрила вона тры рыбалочкы:
Святый вечиръ.
„Вы, рыбалочкы, та молодіи,
Святый вечиръ.
Закыньте мени шевковый неводъ,
Святый вечиръ.
Шовковый неводъ та въ тыхый Дунай,
Святый вечиръ.
Піймайте мени перловый винокъ
Святый вечиръ.
Я вамъ, молода даромъ не схочу
Святый вечиръ.
Первому рыбальци—перловый винокъ
Святый вечиръ.
Другому рыбальци—щиро златый перстень
Святый вечиръ.
Третьему рыбальци--сама молода".
Святый вечиръ.
Та бувай же здорова, молода Марьечко
Святый вечиръ.
Зъ Исусомъ Христомъ, зъ святымъ Рождествомъ
Святый вечиръ.
Зъ отцемъ, зъ маткою, ще зъ колядкою
Светый вечиръ.

И долго за полночь веселились, пировали, чѣмъ Богъ послалъ. Пропѣли и „Ивашкѣ" величанье, чтобы онъ

на „коникѣ величался“, родителя утѣшалъ:—„Богу и царю служилъ“...

Не успѣли колядующіе докончить пѣсню—выходя изъ хаты Дули, какъ передъ ними стояли ужъ свитлицы Перевертня. О, этотъ гусь—не то, чѣмъ былъ Тарасъ Дуля. Дуля, если и обвѣшивалъ и обмѣривалъ людей, то все жъ таки ихъ не забывалъ: любилъ, какъ напримѣръ сегодня, и повеселиться съ ними; старозавѣтный былъ человѣкъ. А Перевертень—о, это птица большаго полета, его рукой не достанешь. Вѣдь, онъ изъ княжескихъ лакеевъ, учился играть, кажется, на барабанѣ, въ самой „Италіи“... Человѣкъ былъ просвѣщенный. Дочки ходили у него въ турнюрахъ. Гости были все приказные, изъ города. У одного—пенсне на носу, у другого—козлиная бородка, нарочито оточенная подъ ртомъ, а волосы.... батюшки свѣты, унеси ты мое горе, —волосы были на всѣхъ головахъ à la „Лассаль“, вверхъ и съ завитушками: по гривеннику каждое рыло заплатило цирульнику „Косому Зайцу“ за такую прекрасную шевелюру...—Въ этихъ хоромахъ, напоминавшихъ пивной, котелъ, изяществомъ стиля, горѣла елка подъ потолокъ, благо сосновый лѣсъ подъ руками. Гостей здѣсь было—три пары приказныхъ съ шевелюрой съ змѣйками, въ описанномъ жанрѣ; штуки три главныхъ приказчиковъ, одинъ изъ нихъ даже умѣлъ дамамъ говорить „пурдонъ“ вмѣсто „же ву при“,—и „жу ву пры“, въ томъ случаѣ, когда хотѣлъ выразить „пурдонъ“. Бѣдняга, три целковыхъ заплатилъ Микитка (такъ звали этого героя) нѣмкѣ колбасницѣ, знавшей два этихъ выраженія,—за науку, а сколько кромѣ того колбасъ у нея перекупилъ—

страсть, въ видѣ процента, но все-жъ таки всегда смѣшивалъ: не далась наука...

И Микитка со слезами на глазахъ жаловался учительницѣ—колбасницѣ...

— Тятенька-съ все просвѣщеніе аршиномъ изъ головы моей выбили-съ... Пропащій я теперь человѣкъ:—ни одна барышня со мною не захочетъ танцовать... Даромъ только десятку учителю за танцы отдалъ... Въ нашъ городъ пріѣзжалъ такой...—И тутъ же онъ страдальчески произносилъ „пурдонъ“, желая деликатно сказать „прошу“, или наоборотъ.

Такъ вотъ, предъ такими то хоромами стояли въ свиткахъ, смазныхъ чоботахъ колядующіе... И хотѣлось имъ искусство показать—и боялись, что по шеямъ прогонятъ:—въ чемъ конечно не ошиблись. Тѣмъ болѣе, что въ это время какъ разъ раздавались звуки вальса „развлеченіе“, наяриваемаго двумя скрипками, баскомъ и „фортеплясами“... Колядникамъ такое диво въ носъ ударило, особенно „фортеплясы“. Штуки этой не приходилось и слыхомъ слыхать. Перевертень только къ этому вечеру купилъ ихъ гдѣ-то, кажется у тѣхъ старушекъ—барышень, въ домѣ отца которыхъ онъ былъ въ свое время лакеемъ, а теперь за обѣднѣніемъ ихъ онъ приглашалъ къ себѣ въ качествѣ „знатныхъ особъ“ для хорошаго тона: tempora mutantur et nos mutamur....

— Баринъ сказалъ, чтобъ убирались вонъ, пьяное мужичье, былъ таковъ отвѣтъ на вопросъ деревенской молодежи... поколядувать.

Да оно, впрочемъ, вышло даже кстати. Уже второй пѣтухъ провозвѣстилъ, что и колядникамъ была пора спать. И вотъ, они, переглянувшись, вздохнувши—Богъ его знаетъ, отчего и зачѣмъ,—на прощаньи затянули расходясь пѣсню....

Звуки пѣсенъ разливались вдоль снѣжныхъ морозныхъ улицъ и селъ. Но время уже далеко, далеко ушло за полночь. Уже перестали мерцать огоньки въ маленькихъ окошечкахъ крестьянскихъ хатъ.... Только все еще разливаетъ по селу цѣлые снопы свѣта домъ Перевертня, ходоромъ ходившій отъ дюжихъ ногъ его гостей, танцоровъ... Но колядующая молодежь пріуныла, видимо устала отъ веселья этой ночи... И все еще хотѣвшая сорваться съ веселыхъ, но уже усталыхъ устъ, пѣсня обрывалась... Но вдругъ внезапно произошло своеобразное оживленіе... Не успѣли совсѣмъ смолкнуть и застыть въ морозномъ воздухѣ звуки то величавыхъ, то веселыхъ пѣсенъ, какъ Стецько, крестьянскій ловеласъ, счастливый женихъ взбудоражилъ осоловѣвшую компанію. Онъ нежданно—негаданно приготовилъ громадныхъ размѣровъ „бульденежъ“ и пустилъ имъ въ лицо самой красивой здѣсь Марьечкѣ, своей невѣстѣ, обсыпавъ всю ее съ головы до ногъ снѣжнымъ пескомъ.... Красавица ошеломилась, встрепенулась, взвизгнула, залилась пунсовымъ румянцемъ... И вновь пошли—смѣхъ, веселье, пѣсни... И толпа молодежи разсыпалась по селу, по прежнему, какъ и въ началѣ вечера ликующая, радующаяся, торжествующая.... И казалось,—ей вторила сама природа: и зоренька, зажигавшаяся на сѣверо-востокѣ, и веселый, хрумтящій снѣгъ подъ ногами

веселыхъ людей, и какой-то таинственный гулъ, струной звенѣвшій въ ядреномъ, морозномъ воздухѣ, всѣхъ хватавшемъ за носы.... Но вотъ—разрѣзался воздухъ новымъ явленіемъ: благовѣстъ призывалъ людей славить Творца, виновника радости и жизни....

Радуйся, земле, веселися Боже нашъ,
Сынъ Божій народился....

ШЕЛЬМЕНКИ и ПРОСТАКИ

ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ.

„А еще корятъ народъ нашъ въ грубости и безчувственности!“......

Изъ „Судебной Газеты“.

И деревенскіе люди, какъ и всѣ вообще люди, распадаются на двѣ совершенно разныя половины.... На людей, „которые бьютъ“ въ жизни, и — „которыхъ бьютъ“: — молотъ и наковальня! шельменки и простаки.... Какъ-то, года два тому назадъ, отдѣленіемъ Екатеринославскаго Окружнаго Суда въ городѣ Верхнеднѣпровскѣ разбиралось въ высшей степени характерное дѣло, могущее пролить нѣкоторый свѣтъ на нашу народную психологію. Корреспондентъ „Судебной Газеты“ по поводу этого дѣла, между прочимъ, пишетъ слѣдующія заключительныя строки, которыя послужатъ исходнымъ пунктомъ для нашей замѣтки: — „Покойная Анна Майорова обрисована на судѣ свидѣтельскими показаніями столь высоко-нравственной, честною и благородною женщиною, пожертвовавшею всѣмъ изъ любви и сдѣлавшеюся безвинною жертвою, что слезы невольно показывались у многихъ на глазахъ. А еще корятъ народъ нашъ въ грубости и безчувственности!..... — восклицаетъ

авторъ только-что процитированной нами корреспонденціи одного изъ номеровъ „Судебной Газеты“ *).

Теперь познакомимся съ романомъ грустной жизни восемнадцати лѣтней страдалицы, крестьянской дѣвушки, съ возвышенной душой и съ чистымъ, какъ кристаллъ, сердцемъ, выжавшей слезы состраданія даже у обыденной судейской публики, нервы которой отъ частаго сидѣнья въ судѣ, думаю, пріобыкли къ горю и слезамъ, мукамъ и страданіямъ заурядныхъ преступниковъ и ихъ жертвъ.... На судѣ выяснилось, что покойная Анна Майорова (такъ звали нашу героиню) была красавицей;—вмѣстѣ съ тѣмъ, она была дѣвушкой высоко-нравственной, очень трудолюбивой и самыхъ строгихъ правилъ. А это все такія качества „духа“ и „тѣла“, которымъ могутъ позавидовать самыя толерантныя семейства:—„Строго относясь къ вольному обращенію мужской молодежи, особенно на вечеринкахъ, она чаще оставалась дома, помагая въ работахъ родителямъ, и считалась лучшею въ селѣ невѣстою“,—читаемъ въ „Судебной Газетѣ“. И вотъ эта благородная дѣвушка, которая могла доставить счастье любому мужу, совершенно случайно познакомилась, въ одинъ роковой (будь онъ проклятъ) день, съ красивымъ мерзавцемъ, крестьянскимъ же сыномъ, 19 лѣтъ отъ роду, Тимофеемъ Полынько. Очень жаль, что авторъ корреспонденціи, затронувшей такое характерное, въ народно-психологическомъ отношеніи, дѣло упустилъ изъ виду привести хоть что-нибудь изъ „curriculum vitae“ этого злодѣя, въ полномъ смыслѣ слова. Поступокъ Тимофея

*) № 47, 1885, „Судеб. Газеты“.

Полынько, загубившій жизнь Анны Майоровой, настолько пошлъ, не по „крестьянски“ гадокъ, что намъ, знакомымъ съ характеромъ деревенской жизни, кажется совершенно неестественнымъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, его чисто злодѣйское, хотя крайне глупое, но одновременно съ этимъ съ претензіей на „зараие обдуманное“, съ предусмотрѣнною лазейкою хитрости утонченной, преступленіе..... Всѣ эти элементы поступка, по волѣ корреспондента, не давшаго ничего изъ прошлой жизни злодѣя, остаются совершенно въ данномъ случаѣ не разъясненными, не осмысленными... Гдѣ люди — тамъ и зло: кому это не извѣстно? Но и проявленіе зла имѣетъ свой причинный смыслъ, свой, такъ сказать, циклъ развитія.... Но именно подобнаго „причиннаго смысла“ насъ интересующаго явленія нельзя уловить изъ матеріала корреспонденціи „Судебной Газеты“. А это — очень жаль. Ибо и смыслъ преступленія, и характеръ его героя — канули въ неизвѣстность.... Что все было бы очень поучительно, ибо, какъ извѣстно, въ нашей народной жизни очень много есть жестокихъ чертъ.... Мнѣ, по селамъ и хуторамъ всѣ уши прожужжали эпизодами звѣрскаго обращенія мужа съ женой, жены съ мужемъ, любовника съ любовницей, и часто наоборотъ—повсюду, въ этихъ грустныхъ разсказахъ присутствуетъ „причинный смыслъ“ фактовъ: или острая ревность, или тупая ненависть, злоба, месть, зависть... Но здѣсь, въ интересующемъ насъ случаѣ, ничего подобнаго нѣтъ! — здѣсь кроется, здѣсь затушевано нѣчто подленькое, гаденькое, пошленькое, грязное „не по крестьянски“—и вотъ именно

это и составляетъ „трагизмъ“ настоящей грустной исторіи, изъ народной жизни.

Если-бы герой этого преступленія былъ знакомъ съ развратомъ, во всѣхъ его оттѣнкахъ, норъ и трущобъ городской поддоночной жизни, или съ прелестями, растлѣвающими умъ и сердце, фабричной жизни,—тогда для насъ ясенъ былъ-бы причинный смыслъ его поведенія; но „Судебная Газета“ не даетъ ни малѣйшаго намека на исторію растлѣнія души преступника... А то, что намъ извѣстно изъ знакомства съ характеромъ сельско-хуторской патріархальной жизни людей „подъ Богомъ живущихъ“, не даетъ возможности нарисовать себѣ нить ступеней подобнаго, какъ у Тимофея Полыньки, растлѣнія его души... и тѣмъ болѣе не даетъ, что эта-же патріархальная крестьянская нива всегда взращивала такія благородныя натуры, какъ, напримѣръ, покойная красавица, героиня Анна Майорова, по поводу которой самъ авторъ корреспонденціи, насъ сейчасъ занимающей, воскликнулъ:—„А еще корятъ народъ нашъ въ грубости и безчувственности!“ Въ крестьянской семьѣ, я согласенъ, можно натолкнуться на дикость, грубость, тупость, жестокость, но не на пошлость, не на „опереточный“ расходъ духовно-нравственнаго міра человѣческой жизни. Неслыханное воровство, совершенное отсутствіе даже зачаточной гуманности въ отношеніяхъ —всему этому я повѣрю, но если, какъ въ занимающемъ насъ дѣлѣ, фигурируетъ глубочайшее распаденіе нравственно-психологическихъ устоевъ народной жизни, но если, какъ въ занимающемъ насъ случаѣ, брызжетъ грязь, дряблость, мелочность съ оттѣнкомъ

„опереточно-канканнаго“ понимания вещей,—то къ подобному факту изъ народной жизни надо относиться съ содроганіемъ, надо его изслѣдовать со всѣхъ сторонъ, до мельчайшихъ подробностей..... Ибо что же у насъ останется, если мы легонько будемъ относиться и къ устоямъ народно-семейной, бытовой жизни?.... Не здѣсь ли только еще царитъ стимулъ, сдерживающій расходъ народно-психологической жизни,—стимулъ, который народомъ зовется „грѣхомъ“,—предъ которымъ нашъ „нищій духомъ“, молодецъ-народъ трепещетъ,—стимулъ, который „блаженнаго нищаго духомъ“ охраняетъ отъ разъѣдающаго вліянія „умственной эквилибристики“, какъ червь подтачивающей, шагъ за шагомъ, и совѣсть, и вѣру, и любовь.... Поэтому очень жаль, что г. корреспондентъ „Судебной Газеты“ не далъ рѣшительно никакого матеріала для выясненія исторіи характера личности подсудимаго и самой возможности гнустнаго его преступленія..... Но обратимся къ изложенію хода этой грустной исторіи.... Бѣдная, бѣдная Анна Майорова, эта честная „Гретхенъ“, самой высокой пробы! И вѣдь въ жизни-то почти всегда такъ и бываетъ, что (какъ читаемъ въ „Судебной Газетѣ“)—„случай свелъ ее познакомиться съ односельчаниномъ, Тимофеемъ Полынько, тоже красавцемъ, въ котораго она имѣла несчастье влюбиться. Сначала отношенія ихъ были чисты и невинны; потомъ, когда Тимофей поклялся ей въ вѣрности и обѣщалъ жениться, возникла любовная связь, и молодые люди вскорѣ должны были стать законными супругами“.—Но вотъ тутъ-то именно и произошло то, о чемъ ничего не говорится въ „Судебной Газетѣ“.

А это было, вѣроятно, именно тѣмъ, что дало-бы ключъ для пониманія всего остальнаго. По всей вѣроятности, здѣсь именно скрытъ тотъ моментъ, въ развитіи „страсти“ въ отношеніяхъ Тимофея къ своей красавицѣ-невѣстѣ,—за рубежомъ котораго, говоря въ терминахъ Достоевскаго, „помутилось сердце“ Тимофея.... Но, увы, мы ничего не узнаемъ изъ корреспонденціи „Судебной Газеты“ объ исторіи этого „помутившагося сердца“, и потому причина совершившагося преступленія совершенно стушевывается..... Впрочемъ, виноватъ, изъ корреспонденціи мы узнаемъ слѣдующее „обоснованіе“ преступнаго дѣянія:—„Но Тимофей мало по малу сталъ охладѣвать къ Аннѣ“. Только и всего. Воля ваша,—черезъ чуръ „*общая*“ фраза, ничего не говорящая „ни сердцу, ни уму“, право!... И это тѣмъ болѣе, когда вы знаете, что „канканно-опереточное“ амурничанье, по селамъ и хуторамъ, не пріобрѣло еще правъ гражданства подобно представителямъ, такъ называемаго, „культурнаго“ образа жизни, гдѣ амурничанье, кажется,—единственная поэзія въ такой жизни. И если хотите, то я вамъ скажу, что, такъ называемыя, любовныя связи сельско-хуторскихъ парней съ дѣвушками —вещь бывалая, батьками неосуждаемая, если дѣло идетъ „по человѣчеству“, заканчиваясь брачнымъ сожительствомъ. Но вѣдь это—не „опереточно-канканное“ амурничанье. Въ очень рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ такія брачныя сожительства не санкціонируются „духовнымъ“ бракомъ...... Но объ этомъ, подробнѣе, когда нибудь потомъ.... Мнѣ приходилось и слышать, и видѣть, какъ женихъ подвѣнечной пары, въ бли-

жайшее передъ вѣнчаніемъ воскресенье клалъ поклоны въ церкви всенародно, по приказанію духовника, безропотно ему повинуясь, — чтобы замолить свой „грѣхъ“... Да вотъ лучше послушаемъ опять г. корреспондента: — „пришелъ Тимофей ко мнѣ спать, — передъ смертью показывала Анна Майорова, — какъ и прежде ходилъ. Послала я постель въ сарайчикѣ. Хотѣла зажечь огонь. Онъ не велѣлъ; сказалъ: ляжемъ скорѣе спать. Я послушалась. Положились мы. Онъ началъ дѣлать со мною грѣхъ“.... И это непрестанное сознаніе своего „грѣха“ есть общее свойство психологіи подобнаго рода отношеній у нашего народа. И несоблюденіе формъ „обѣленія“ себя, когда придетъ время, отъ этого грѣха, по понятіямъ „подъ Богомъ“ живущаго народа, карается Господомъ неукоснительно.... И, слѣдовательно, когда крестьянскій сынъ рѣшается преступить этотъ устой народно-бытовыхъ началъ, то онъ ни можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ не паршивой овцой въ своемъ стадѣ. Потому, — что его дѣвственность души тронута уже иными вѣяніями; здѣсь уже тогда всколеблена цѣлость души „блаженнаго нищаго духомъ“, какъ я смотрю на нравственную физіономію типичнаго крестьянскаго сына.... И въ подобныхъ грустныхъ случаяхъ уже отсутствуетъ „чистота сердца“, ибо оно въ это время, говоря словомъ Достоевскаго, „помутилось“ уже... И вотъ, для исторіи подобнаго рода растлѣнія души у Тимофея, въ занимающей насъ корреспонденціи, нѣтъ рѣшительно никакого матеріала: ибо въ ней схвачены, на сколько она касается лично Тимофея, одна лишь „матеріальная“, внѣшняя оболочка дѣла, подъ спудомъ

которой лежалъ мотивъ внутренняго побужденія, единственно важный какъ для характеристики личности подсудимаго, такъ и для уразумѣнія его гнустнаго поведенія.... А его поведеніе было нижеслѣдующее:— чтобы,—читаемъ въ „Судебной Газетѣ“,—избавиться отъ нея (т. е. своей красавицы-невѣсты, Анны), рѣшился (Тимофей Полынько) предать ее общему посмѣянію на селѣ. Съ этою цѣлью онъ открылъ Комышному и Титарѣ (г. корреспондентъ, къ сожалѣнію, тоже не обрисовалъ отношеній Полынько къ Комышному и Титарѣ, которыхъ онъ избралъ, предпочтительно предъ другими, въ сотоварищи своего гнустнаго преступленія), —открылъ тайну своей связи съ Анною и подговорилъ ихъ сѣсть въ засаду въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ляжетъ спать съ Анною и тутъ-же „накрыть“ ее съ нимъ и воспользоваться случаемъ:—„потребовать того же и себѣ“.—И вотъ все это и было совершено тремя негодяями. И, по словамъ несчастной страдалицы, когда ея женихъ-любовникъ громко сказалъ:—„Охъ, мнѣ жарко!“, —сразу кинулись ко мнѣ,—показывала Анна,—парни Комышный и Титара, начали душить меня, крича: „такъ ты такая?“.... и т. д.... Я сопротивлялась, стала кричать, но они затянули мнѣ ротъ платкомъ, одинъ надавилъ мнѣ грудь и держалъ за руки и т. д...... Потомъ тоже самое сдѣлалъ и другой, а первый въ это время давилъ меня, сидя на груди и зажимая ротъ. Я обомлѣла.... Тимофей помогалъ придерживать меня, когда они насиловали, а потомъ всѣ трое ушли и стали кричать вездѣ, какая я безчестная. Хотѣла я повѣситься, да пришелъ двоюродный братъ Комышнаго,

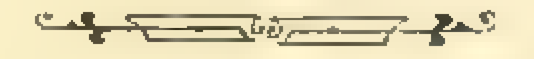
Өедоръ Комышный“.—Вотъ каковъ былъ узелъ романа несчастной дѣвушки, могшей собою сдѣлать честь любому претенденту на „руку и сердце“ женщины. И она, Анна, только потому и не повѣсилась, что пришелъ Өедоръ Комышный и помѣшалъ ей разрѣзать узелъ своего горя..... Но будемъ продолжать дальше чтеніе корреспонденціи „Судебной Газеты:“—„На другой день все стало извѣстнымъ на селѣ, но Анна молчала передъ родными, боялась открыться передъ ними и только стонала „больная“.—Я подчеркнулъ нарочно слово „больная“:—каковой она сдѣлалась мгновенно въ силу, какъ увидимъ, лишь нравственныхъ терзаній, такъ какъ до сего момента Анна пользовалась прекраснымъ здоровьемъ.—Теперь, для уясненія бытоваго смысла подобныхъ стеченій обстоятельствъ, я снова прошу обратить вниманіе, на что я уже не разъ обращалъ,—а именно на „милосердное“ (по человѣчеству) снисхожденіе нашего строгаго народа, къ подобнаго рода любовнымъ связямъ, лишь-бы „грѣхъ“ ихъ, когда придетъ время, смывался совѣстливымъ раскаяніемъ и санкціонировался вѣнцомъ. И потому-то, и въ настоящемъ случаѣ, лишь только родители поруганной и осмѣянной узнали о позорѣ, постигшемъ ихъ старческія головы, они: „повели ее (свою дочь) въ волость съ жалобой на обидчиковъ. Волостные судьи предложили ей (невѣстѣ-любовницѣ) выйти за Полынько (ея любовника-жениха) за мужъ, обѣщая заставить его покрыть ея обиду и свой грѣхъ“.—Но здѣсь, сейчасъ, случится то, что не всегда бываетъ. Ибо передъ судьями стояло не заурядное существо. А судьба такихъ

,,душъ великихъ'', говоря словами великаго поэта,— „какъ смерть не отвратима". И это потому, что,—продолжая тѣми-же словами—„душамъ великимъ не даны права простыхъ сердецъ". И здѣсь произошло слѣдующее. Анна „отвергла" предложеніе судей выйти за мужъ за Тимофея Полынько,—отвѣтивъ судьямъ:— „Нѣтъ, не хочу,—отвѣчала она, пишетъ г. корреспондентъ:—„какой изъ него будетъ мнѣ мужъ? Я полюбила его, отдала ему душу, честь дѣвичью, а онъ посмѣялся такъ надо мною!... Богъ съ нимъ, не хочу".—И Анна съ той минуты, словно свѣчечка, сгорѣла.......... Но предоставимъ слово г. корреспонденту:—„Съ тѣхъ поръ Аннѣ Майоровой дѣлалось все хуже; появился ознобъ, кашель, сильная боль въ груди. Она ничего почти не ѣла, была чрезвычайно грустна и въ ночь на 9-е Мая, чрезъ недѣлю, умерла". 10-го Мая произведено было судебно-врачебное вскрытіе ея трупа; при чемъ врачъ нашелъ, что хотя, при наружномъ осмотрѣ тѣла ея, никакихъ знаковъ насилія не было, но мозгъ переполненъ кровью и въ груди обнаружено воспаленіе легкихъ; почему онъ и далъ заключеніе, что смерть Майоровой послѣдовала отъ совмѣстнаго воспаленія легкихъ и изліянія крови между поверхностью мозга и твердой оболочкой, и что на появленіе болѣзни, причинившей ей смерть, имѣло посредственное вліяніе то насиліе, какое ей было причинено въ ночь на 2-е Мая". На судебномъ разбирательствѣ, продолжаетъ г. корреспондентъ, врачъ пояснилъ, что то болѣзненное состояніе груди, какое обнаружилось при вскрытіи, могло легко исчезнуть, благодаря хорошему здоровью

покойной, но кровоизліяніе въ мозгу указываетъ на сильное нравственное потрясеніе, исключавшее возможность выздоровленія, и Майорова умерла отъ того нервнаго удара, которому подверглась вслѣдствіе насилій и измѣны любимаго человѣка—котораго скажемъ мы отъ себя,—знать, она любила больше жизни, больше самой себя.... И вотъ въ награду за беззавѣтную любовь, дѣвушка съ сердцемъ чистымъ, какъ кристаллъ, съ душой возвышенной, натолкнулась, какъ въ жизни по большой части бываетъ, на зауряднаго мерзавца.—И въ этой грустной исторіи удивительно не то, что народно-крестьянская атмосфера взращиваетъ такіе типы, какъ страдалица, съ грустной страницей жизни которой мы только что познакомились, но—фактъ появленія, даже въ строгой крестьянской средѣ, пошленькихъ, хитренькихъ, не по крестьянски гаденькихъ ловеласовъ, которымъ прежде, по селамъ и хуторамъ, ребра ломали, шеи сворачивали и которые только гранили поддонки городской жизни.....

....Неужели-же, Боже мой, Боже мой, болѣзненная „культивированность“, развинчивающая „умъ“ и „чувство“, захватитъ въ свой кругъ и строгую, патріархальную народно-крестьянскую ниву?.....

О, „какъ пусто, какъ глухо въ мірѣ Твоемъ, мой Боже!“..........

КУЛЬТУРА
И
ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ.

„Добра хощу братьи и русскѣй земли".

Владимiръ Мономахъ.

Теперь, какъ никогда прежде, въ моду вошло трактовать о *новой формѣ* деревенской жизни. Конечно, въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго: — пора же, наконецъ, серьезно взяться за изученіе и описаніе деревни, ея быта, ея нравовъ!.. Вѣдь, деревня—это ячейка, клѣточка русской національной жизни. Но тѣмъ непріятнѣе дѣйствуетъ легкомысленное отношеніе къ дѣлу описанія жизни и нравовъ деревенскаго человѣка, такъ трудно поддающагося наблюденію и серьезному изученію. Особенно тяжело дѣйствуетъ легкомысленное, огульное ляганье деревенскаго человѣка господами прошенными и непрошенными „корреспондентами", которыхъ развелось нынѣ, какъ грибовъ въ дождливую осень. Пару словъ объ этихъ „бытописателяхъ", якобы черпающихъ содержаніе для своихъ „писаній" изъ первыхъ источниковъ, а не изъ родника уѣздныхъ сплетень. . . . Живя почти безвыѣздно въ провинціанальной глуши, зная ея подноготную, всякое новое явленіе, на этомъ фонѣ,

происшествіе-ли, появленіе-ли новаго лица и проч.,— все это остро даетъ себя чувствовать. Конечно, иногда наталкиваешься, хоть бы и не хотѣлъ, и на господъ, штатныхъ и приватныхъ, корреспондентовъ того или другаго органа печати. И если вы увидите гдѣ-нибудь на лугу, въ саду, въ лѣсу господина, променадъ творящаго съ сигарой въ зубахъ, съ карандашемъ въ рукѣ и въ компаніи съ уѣзднымъ „Петромъ Ивановичемъ Бобчинскимъ", такъ и знайте, что вы попались въ руки гуся не простаго, а бумагомараки... Къ тому же „Петры Ивановичи", нынѣ по тяжелому времени совершенно обѣднѣвъ, изъ своихъ сплетень дѣлаютъ проффессію—сообщать за деньги свои свѣдѣнія.... Очень понятно, что при такихъ условіяхъ корреспонденты пишутъ не „корреспонденціи", а — „сочиненія", и порядки деревенской жизни, попавшей въ опалу, изображаются въ отчаянномъ видѣ, въ родѣ слѣдующаго напримѣръ:—„Нравы обитателей нашего богоспасаемаго уѣзда діаметрально-противуположны картинѣ населяемой ими мѣстности:—насколько послѣдняя сохранила слѣды идилической прелести, настолько первые поддались „духу времени", сверхъ чаянія, обуявшему ихъ, не взирая на поголовную почти безграмотность. „Вексель" и „аблакатъ" у стараго и малаго теперь на языкѣ (это въ деревнѣ-то, при „поголовной безграмотности?" Помилосердствуйте! Здѣсь не только „малый", но даже „старый" къ слову „вексель" также относится, какъ у Островскаго одна купчиха къ слову „жупелъ", совершенно не разумѣя смысла этого непонятнаго для нихъ звука...). Вѣра въ безнаказанность, если въ со-

дѣянномъ дурномъ нѣтъ свидѣтелей, *въ конецъ убили совѣсть* (?!), гроши стали общимъ кумиромъ, ради котораго правда обезцѣнена ни во что. Добавьте къ этому необычайную косность и полную апатію ко всему, что стоитъ внѣ интересовъ „брюха", и нравственный обликъ приворсклянина предстанетъ предъ вами во всей своей красѣ".—Но „красота изложенія" нравственнаго облика бѣднаго приворсклянина у корреспондента еще и этимъ не оканчивается:—„*Мнѣ называли даже бабу, которая*, покумившись съ „брехунцомъ", *научилась „менжуваты" векселями и другихъ тому научаетъ*",—свидѣтельствуетъ краснорѣчивый сочинитель. И т. д. и т. д. Прочитывая подобныя „правоописательныя" корреспонденціи, содрогаешься за шкуру деревенскаго люда, принужденнаго волею корреспондента, жить въ аду кромѣшномъ, въ вертепѣ все сплошь однихъ только жуликовъ и мошенниковъ, у которыхъ, по словамъ корреспондента, въ конецъ убита совѣсть. Но въ томъ то и дѣло, что „красота изложенія" подобныхъ „сочиненій" про деревенскаго человѣка не всегда совпадаетъ съ истинной дѣйствительности. Настоящую нашу замѣтку мы посвятимъ описанію группъ сельско-хуторскаго „мужичьяго" населенія, на которыя распадается, такъ называемая, деревенская жизнь, и обратимъ вниманіе, по возможности, на причины и исторію этого распаденія деревенской жизни. Прежде всего затронемъ ту сторону вопроса о „народномъ невѣжествѣ" и о „народной школѣ", которая сыграла важную роль въ процессѣ этой дифференціаціи однородной мужицкой деревенской массы.

Никто, конечно, не станетъ оспаривать, что грамотность въ мужичьемъ сельско-хуторскомъ быту обрѣтается не въ авантажѣ. Она почти совсѣмъ не пустила на этой почвѣ своихъ корней:— вліяніе ея, въ средѣ подавляющей массы населенія, можно сказать, ниже нуля! И опять таки, врядъ-ли кто будетъ оспаривать, что это случилось не по очень простой причинѣ:—именно, культурные просвѣтители народнаго невѣжества не съумѣли подойти къ народу съ своею грамотностью; они не сдѣлали ничего, чтобы показать народу грамотность съ ея „лицевой“ стороны; они не только не въ силахъ были привлечь къ себѣ и своему, что важнѣе, дѣлу любовь и симпатіи русскаго простонародья, но оттолкнули его душу отъ тѣхъ „идей“, если, впрочемъ, можно назвать „идеями“ то, что они предлагали ему въ качествѣ суррогата духовной пищи, совершенно игнорируя, съ высоты собственной культурности, все то, чѣмъ доселѣ жива была народная душа. Но таково было отношеніе лишь подавляющей, наиболѣе консервативной массы сельско-хуторскаго крестьянства. Есть и иная сторона въ этомъ дѣлѣ, на ней-то мы и остановимся. „Культурно-просвѣтительный“ процессъ, породившій въ высшихъ слояхъ русскаго общества „новыхъ людей“, разчленившихъ „семью“ и „общество“ на „отцовъ“ и „дѣтей“, крайне своеобразно, въ миніатюрѣ, отразился въ простонародномъ, мужичьемъ быту. И здѣсь сформировались, подъ давленіемъ „новыхъ вѣяній“, всколебавшихъ высшіе классы общества,—вѣяній, проникавшихъ сюда разными путями, начиная отъ барской лакейской и кончая народной школой,—сформировались два враж-

дебныхъ лагеря:—„батьки“ и „дѣти“.... Только въ болѣе косной и консервативной мужичьей деревенской средѣ, эта „дифференціація“ происходила туже, тише, незамѣтнѣй. И „прогрессъ“ этого раздѣленія носилъ здѣсь, до поры до времени, гораздо болѣе смѣхотворнаго въ себѣ, чѣмъ „драматическаго“, вопреки подобному раздѣленію высшихъ классовъ. Здѣсь новое дѣло шло въ такомъ родѣ... Сельско-хуторскіе „миніатюрные Базаровы“—эти черномазые или бѣлобрысые поросята, по выраженію ихъ батьковъ, выучивъ въ школѣ стишки о томъ, что „однажды шелъ дождикъ дважды“ и познакомившись, по учебнику, съ тѣмъ, для чего существуетъ на свѣтѣ персидскій порошокъ, а въ довершеніе всего набравшись „либеральныхъ идей“ отъ барскаго лакея,—подобнымъ образомъ просвѣщенный „поросенокъ“, съ подобающей заносчивостью, начиналъ третировать и издѣваться надъ своими батьками, дѣдами, надъ ихъ обычаями, стародавнею патріархальностью жизни. И частенько случалось, что подобный „реформаторъ“, надѣвъ пиджакъ, цѣпочку, совсѣмъ отрѣзывался отъ родной семьи, стыдясь даже родственныхъ съ нею связей. Иногда подобный „въ люди вышедшій“ франтъ бывалъ даже учителемъ въ народной школѣ, продолжая въ ней свое дѣло реформы:—т. е. „войны“ съ батьками и ихъ „дикой“ патріархальностью. Ну, пока подобнаго рода „миніатюрныхъ Базаровыхъ“ было мало по селамъ и хуторамъ, до тѣхъ поръ они въ деревнѣ не играли никакой роли, въ бытовомъ отношеніи. Батьки и дѣды „отщепенцевъ“, называя ихъ дурнями, сами давали всему дѣлу ходъ и направленіе. И въ это,

не за горами отъ насъ отстоящее, время деревня носила еще на себѣ глубокую печать непочатой, строгой патріархальности, разящей русскимъ нетронутымъ духомъ. Деревня тогда оглашалась пѣснями, полными поэзіи, силѣ которой знатоки ея и теперь удивляются. Соціальные, чисто народнобытовые обычаи, составлявшіе оплотъ устойчивости всѣхъ формъ народнаго быта, также точно, въ то время, еще функціонировали, подобно тому, какъ это было въ сѣдую старину. Но четверть вѣка, полнаго новыхъ вѣяній, не прошла безслѣдно для деревни, къ сожалѣнію отразившись на жизни народной массы лишь съ своихъ отрицательныхъ сторонъ. И по дну сельско-хуторской жизни широко протекла новая струя.... Съ этого момента начинаетъ рельефно выясняться *та* дифференціація сельскаго населенія, о которой мы уже упоминали.

Черты ея могутъ быть изображены въ слѣдующемъ видѣ. Полуграмотные невѣжественные „поросята“, одѣвшись въ пиджаки и сапоги съ бутылками, пошнырявъ по городамъ, набравшись „цивилизаціи“ по лакейскимъ и трактирамъ, мало-по-малу, наводнили села и хутора, сообразивъ, что здѣсь имъ будетъ гораздо теплѣе житься, чѣмъ по трущобамъ городской жизни. И это развращенное „хамье“, повидавшее въ городѣ всю грязь и мерзость подноночной, городской жизни;—запасшееся свѣдѣніями „трактирно-лубочной литературы“;—разжегшее до крайнихъ предѣловъ „брюшные“, грабительскіе инстинкты, нахлынуло въ деревню, породивъ собою „аристократическій классъ“ деревенскаго простонародья. Изъ этой-то группы сельскаго населенія и вышелъ тотъ

кулакъ земли россійской, который въ компаніи съ подобнымъ же себѣ „аблакатомъ“, сталъ въ послѣднее время притчею во языцѣхъ всѣхъ и каждаго. И хотя эта чумазая мужицкая аристократія составляетъ самую немногочисленную группу деревенскаго люда, но въ *силу приспособленности къ борьбѣ за существованіе*, верховодитъ въ деревнѣ, высасываетъ изъ нея соки, деморализируя ея нравы, видоизмѣняя ея бытовую физіономію. И характерно еще слѣдующее. Съ возникновеніемъ этой хищнической аристократіи, деревня выбросила изъ своихъ нѣдръ классъ „нищихъ—попрошаекъ“, которые жмутся и лѣзутъ на показъ, получая публичнымъ образомъ нищенскія подачки изъ рукъ деревенскихъ хищниковъ.

Такимъ образомъ, первую группу деревенскаго населенія представляетъ орава хищниковъ, гнѣздящихся не только близь фабрикъ и заводовъ, какъ было прежде, но проникающихъ теперь въ самую глубь и глушь селъ и хуторовъ, всюду и вездѣ сѣя сѣмена своей „цивилизаціи“ и шикъ своей „культурности“. Таковы деревенскіе *мужицкіе* аристократы. И, конечно, если этихъ деревенскихъ людей признать за типъ селянина, то деревня не могла бы быть ничѣмъ инымъ, какъ вертепомъ „человѣкообразныхъ“, невѣдающихъ ни Бога, ни совѣсти. Но такое обобщеніе совершенно не совпадало бы съ дѣйствительностью. Потому что, за спиною этой богатой и сильной плутократіи стоитъ „міръ“, „громада“, милліонная масса крестьянскаго люда, въ своемъ чистомъ, какъ кристаллъ, видѣ. Не смотря на все „фордыбачество“ деревенскихъ аристократовъ—ку-

лаковъ, не смотря на всю ту поблажку для своихъ „манипуляцій“, которую кулаки встрѣчаютъ со стороны господъ захолустныхъ заправилъ, чистое, консервативное крестьянство—вотъ корень деревенской современной жизни. Типическія черты стариннаго русскаго патріархальнаго быта проглядываютъ въ этой обѣднѣвшей массѣ народа во всемъ блескѣ своего характернаго колорита. Эта милліонная масса люда все по прежнему состоитъ изъ тихихъ, смирныхъ, терпѣливыхъ, покорныхъ, богобоязненныхъ личностей, не отрѣшившихся еще пока отъ образа и подобія своихъ дѣдовъ и отцевъ, падающихъ, какъ грѣшникъ человѣкъ, но и возстающихъ покаяніемъ, —послужившихъ такимъ прекраснымъ матеріаломъ для роста и развитія мощнаго государства... Новыя вѣянія, вдохнувшія въ русскую душу новаго типа „культуру“, со всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, что въ ней есть,—встрѣтили въ этой косной и консервативной массѣ русскаго народа камень преткновенія. Что, конечно, не обошлось даромъ какъ для этой массы, также точно и для самого „культурнаго“ воздѣйствія на нее. Въ настоящей замѣткѣ мы коснемся только вопроса о „безграмотности“. Наиболѣе симпатичная намъ масса русскаго народа, сохранившая въ себѣ чисто національно-русскія бытовыя черты, въ то же время есть самая безграмотная часть русскаго народа, какъ мы уже сказали. Причина этого факта лежитъ какъ въ національномъ консерватизмѣ этой массы, такъ въ равной степени въ неприспособленности тѣхъ формъ, подъ соусомъ которыхъ была предложена господами „культурными просвѣтителями“ духовная пища народу,—и въ совершен-

номъ несоотвѣтствіи потребностей „души“ этой массы русскаго народа съ тѣмъ просвѣтительнымъ сумбуромъ, который предлагался ей какъ цѣлительный бальзамъ. Въ силу всего этого, эта масса поголовно почти отрѣзалась отъ благихъ результатовъ грамотности. И цѣль истинныхъ народныхъ печальниковъ должна быть направлена къ тому, чтобы, путемъ „грамотности“ разсѣевая мракъ дѣвственнаго невѣжества этой массы, —взрастить и развить въ добрыя сѣмена зачатки, прозябающіе на днѣ души ея. А до какого предѣла доходили, еще въ самое недавнее время, невѣжество и безграмотность въ этой массѣ можно видѣть изъ слѣдующаго. Для иллюстраціи приведемъ два факта, изъ сферы представленія этой массы о „книгѣ„ и о „картинахъ“. Общее представленіе о „книгѣ“ не выходитъ изъ спеціальнаго круга представленія о „*священно-служебной книгѣ*“, по которой совершается церковное служеніе, а также—перечисляются „праздники“. Такая, и *единственно* такая, книга и есть *настоящая* книга. Свѣтская литература не сформировала еще о себѣ никакого, болѣе или менѣе, опредѣленнаго образа представленія. Общее представленіе о живописи и картинахъ ничѣмъ не разнится отъ только-что описаннаго. Всякая картина пріурочивается къ представленію объ „иконѣ“, или, по простонародному выраженію,—къ „богамъ“. Отсюда происходитъ общеупотребительное, въ простонародьи, названіе живописца—„*богомазомъ*“... Еще совсѣмъ не такъ давно можно было встрѣтить, въ углу на стѣнѣ, размалеванный портретъ какого-нибудь „генерала“, купленный на ярмаркѣ у „венгерца“

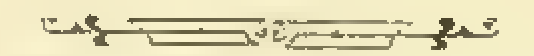
—красующимся по среди „боговъ“ въ „божницѣ“, т. е. въ особомъ мѣстѣ для иконъ... Но разсѣивать подобный дѣвственный мракъ наивнаго невѣжества можетъ только та *народная школа*, которой снова ждетъ и не дождется русскій народъ, которая была у него и которая составляетъ теперь все еще pia desideria мечты печальниковъ своего народа. И мы убѣждены, что отъ духовнаго просвѣщенія, которое не только бы не вытравляло, но взращивало бы задатки духовной жизни народа,—задатки, которые сформировали его многовѣковую бытовую физіономію—эта масса не отвернулась бы... Дай Богъ, конечно, что-бы въ идеѣ нарождающихся, современныхъ „церковно-приходскихъ“ школъ вновь воскресла та просвѣтительная, духовная школа русскаго народа, которая тысячу лѣтъ назадъ поставила разсѣянныя дикія племена на почву христіанской культуры, сплотившей эти племена въ могущественное, единое цѣлое... И еще прошу обратить свое вниманіе на слѣдующее. Не подумайте, что эта милліонная масса русскаго народа—дика и звѣроподобна, какъ стараются ее изображать. Совсѣмъ нѣтъ. Не говорю уже про инстинктивно всасывающуюся, съ молокомъ матери, набожность, хотя бы въ ея элементарныхъ формахъ. Но, кромѣ этого, въ нѣдрахъ души этой дѣвственной, на видъ грубой, массы живетъ *кое что*, чему бы слѣдовало позавидывать и носителямъ „культурно-научнаго“ просвѣщенія. Я говорю здѣсь про ту *этическую* закваску, которую привило и развило христіанское ученіе въ этой массѣ, и которая всосалась въ бытовую жизнь народа, конечно, вопервыхъ на сколько это возможно

было, принимая во вниманіе недосягаемую высоту этическихъ принциповъ христіанскаго ученія, а вовторыхъ не забывая, что и эта дѣвственная масса народа— все тѣ же люди, преисполненные „грѣховностью", подъ какою бы приправой „нравовъ и обычаевъ", частной или общественной жизни, она не проявлялась.... Но кромѣ чисто нравственной стороны, подъ грубой, черезъ чуръ простой, оболочкой жизни этой массы—въ ней живетъ много мягкаго и симпатичнаго. И пѣсенька съ поэтическимъ колоритомъ, и задушевная музыкальность ея напѣва, ласка, привѣтъ, простодушіе, наивность, гостепріимство, хлѣбосольство и прочіе аттрибуты „человѣческой сентиментальности", въ разныхъ ея видахъ, не выброшены еще отсюда, какъ ненужный въ жизни хламъ. Однимъ словомъ,—„пиджачная цивилизація", ея своеобразный „шикъ" и представители его, „маленькіе деревенскіе Базаровы", пришлись не ко-двору въ средѣ этой массы русскаго народа. И въ то время, какъ „купецъ Абдулинъ" съ супругою стыдятся, въ компаніи съ „деревенскимъ Базаровымъ" и барскимъ лакеемъ, своего „русскаго духа",—патріархальная масса русскаго народа не вѣдаетъ *иной* жизни, кромѣ своей, и не стыдится ея.

Третью группу современнаго деревенскаго населенія составляютъ заводскіе рабочіе. Типъ ихъ общеизвѣстенъ. Не довольство жизнью, разгулъ, нравственная распущенность, ухарство, развратъ—вотъ что въ жизни этихъ людей составляетъ не послѣднюю спицу въ колесницѣ. Шатаются они и по городамъ, и по селамъ, пока хватаетъ у нихъ силъ и здоровья... Затѣмъ изне-

моженные, обездоленные склоняютъ они свою буйную головушку подъ кровомъ какой-нибудь деревенской хаты, гдѣ живутъ, почти ради Христа, за какой нибудь „рупъ—цалковый“ въ годъ, на хозяйскомъ ождивеніи. . . Этотъ типъ людей—нѣчто въ родѣ „интернаціональнаго“ элемента, циркулирующаго въ поддонкахъ народно-общественной жизни.

И такъ, *мужицкая* деревня совсѣмъ—не однородная, безформенная масса людей. Какъ мы видѣли, она распадается, по крайней мѣрѣ, на три совершенно разнородныхъ группы, съ типическими бытовыми чертами, съ присущей каждой изъ нихъ своей соціально-психологической физіономіей. И въ пучинѣ *мужицкой* деревенской жизни есть уже свои „аристократы“, свое „среднее сословіе“ и plebs. Но основа ея все таже:—т. е. коренное русское, патріархальное крестьянство, съ своеобразными обычаями, съ своеобразной нравственной физіономіей.

ПРОГРЕССЪ ПРОСТОНАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

> ....(Ширина взгляда) „помогаетъ намъ разомъ обозрѣвать огромныя пространства и длинный рядъ столѣтій дастъ намъ возможность разсмотрѣть среди мрака прошлыхъ временъ, какъ совершался *прогрессъ человѣчества, безпрестанно мѣнявшаго свои формы, а не свою натуру, свои нравы, а не свои страсти*"....
>
> **Гизо.**

Почти до нашихъ дней жизнь мирныхъ уголковъ, оторванныхъ отъ центровъ болѣе культивированной жизни, особенно жизнь мелкихъ городскихъ мѣщанъ и еще болѣе того—жизнь патріархальнаго крестьянства, разбросаннаго среди степей и лѣсовъ безпредѣльнаго отечества, текла столь своеобразно, что она казалась людямъ, оторвавшимся отъ родныхъ историческихъ традицій, чѣмъ-то „не отъ міра сего", который мы привыкли мѣрять на свой аршинъ, забывая то прошлое время, когда и наши дѣды, и отцы имѣли такой-же складъ народныхъ понятій, имѣли такую-же манеру жить. И если въ былое время такая система понятій, органически сросшаяся съ образомъ жизни народа, не блистала пестротой и изяществомъ болѣе выработанныхъ системъ, не была такъ тонко развита, какъ эти послѣднія, то (правду надо сказать), тѣмъ болѣе она проводилась

на практикѣ въ жизни, глубоко и крѣпко врѣзавшись въ народное міросозерцаніе. Но послѣ того, какъ произошло (особенно теперь) рѣзко выраженное раздѣленіе на интеллигенцію и народъ, въ его, съ позволенія сказать, простонародномъ смыслѣ слова,—ходъ жизни нѣсколько измѣнился; явился совершенно оригинальный и вполнѣ новый родъ общественныхъ отношеній—это взаимное соприкосновеніе интеллигенціи, хотя и къ родному, по географическому положенію и историческому прошлому, но совершенно отчужденному отъ сферы такъ называемой культурной жизни, народу. Идеалы, міросозерцаніе, образъ жизни этой консервативной, подавляющей своей массой, части народа долгое время были себѣ совершенно особнякомъ, сохраняя ненарушимо свою ярко-выраженную бытовую физіономію. Такъ было дѣло почти до нашихъ дней. Интеллигенція—сама по себѣ; народъ—самъ по себѣ. Кромѣ, если такъ можно выразиться, „оффиціальныхъ“ отношеній—между ними другихъ почти совсѣмъ не было. Не то—теперь. Поступательный ходъ жизни дѣлаетъ свое дѣло, все чаще сталкивая между собою эти двѣ разнородныя силы, производя видоизмѣненія въ самыхъ формахъ жизни. И ничего нѣтъ мудренаго, что должны были появиться въ простонародной жизни извѣстные намеки на нѣкотораго рода „прогрессъ“ въ этой жизни, отражаясь на всемъ ея складѣ. Конечно, эти намеки на нѣкотораго рода прогрессъ должны были отразиться не только на внутреннемъ строѣ жизни, но и во всѣхъ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, вплоть до самыхъ мельчайшихъ, но тѣмъ не менѣе своими деталями рельефно обрисовывающихъ

характеръ видоизмѣненія. Слѣдя за ходомъ такого рода общественныхъ явленій нерѣдко наталкиваешься на болѣе комичное, чѣмъ грустное. Но бываетъ—и на оборотъ. И болѣе глубокое ознакомленіе съ характеристическими чертами такого переворота, захватывающаго собою самыя низкія слои общества, наводитъ иногда на ту грустную тему размышленій, что (говоря словами одной нѣмецкой пословицы) частенько дѣло идетъ такъ, „что выбрасывается вмѣстѣ съ колыбелью и самъ ребенокъ". И въ самомъ дѣлѣ, черезъ чуръ усердное культивированіе грубаго „дичка" не происходитъ ли, именно, такимъ образомъ, что вмѣстѣ съ шелухой выбрасывается изъ его жизни и нѣчто совершенно существенное, хотя-бы, напримѣръ, въ родѣ традиціями выработавшихся общественныхъ инстинктовъ, выросшихъ въ извѣстной сферѣ, и всасывавшихся, въ буквальномъ смыслѣ, съ молокомъ матери; въ родѣ напримѣръ—стоической простоты нравовъ и многаго другаго, чѣмъ была чиста и крѣпка патріархальная жизнь; и наконецъ—всего того, что составляетъ „ту форму (говоря въ терминахъ знаменитаго автора „Исторіи упадка и разрушенія римской имперіи", на котораго не разъ намъ пріидется ссылаться) суевѣрія, которая освящена временемъ и опытомъ, и которая въ силу этого, по его мнѣнію, „есть самая пригодная для климата страны и для ея жителей". И съ этой точки зрѣнія, очевидно, окрѣпшая *патріархальная* жизнь, съ крайне ярко выраженными особенностями быта и нравовъ, является всегда формою общественныхъ соотношеній, при которой наиболѣе ровно течетъ жизнь, невольно вызывая у наблюдателя чувства симпатіи.

И, конечно, при такомъ порядкѣ вещей не можетъ быть „безурядицы въ головахъ, полной анархіи въ мысляхъ и воззрѣніяхъ", которыя, расшатывая устои прежней жизни, въ своемъ переворотѣ не даютъ ни прочныхъ общественныхъ идеаловъ, ни прочно установленнаго критерія добра и зла въ жизни. За примѣрами ходить далеко не придется. Жизнь текущей эпохи времени непресыщена ими. Напримѣръ, какъ вамъ понравится такой эпизодъ, выхваченный газетами изъ жизни провинціальной тиши; эпизодъ, свидѣтельствующій о неслыханной до селѣ „безурядицѣ въ головахъ, полной анархіи въ мысляхъ и возрѣніяхъ".... Въ одномъ уѣздномъ городкѣ К.:—„на бывшихъ въ Іюнѣ (1886 года) выборахъ гласныхъ отъ города въ уѣздное земское собраніе, читаемъ въ газетахъ *), когда городской голова предложилъ избирателямъ принять присягу, одинъ изъ нихъ купецъ С—въ, заявилъ, что онъ, *по своимъ убѣжденіямъ* относительно религіи, не желаетъ принять присягу, а вѣруя только въ разумъ, проситъ отобрать отъ него *подписку*, установленную на этотъ случай для лицъ, не допускаемыхъ къ присягѣ". По характеристику этой, не бывалой до сихъ поръ въ нашихъ муниципалитетахъ, выходки, свидѣтельствующей о совершенно дикой „анархіи въ мысляхъ и воззрѣніяхъ", доказывающей, по истинѣ, трагикомическую убогость „разстройства мыслей и чувствъ" подобныхъ представителей современной „безурядицы въ головахъ",—характеристику этой нелѣпой выходки всего лучше освѣщаетъ историческая параллель, которую, для этой цѣли, мы позволимъ себѣ сдѣлать.

*) Изъ „Новостей" было перепечатано въ № 1916 „Юж. Кр.".

A propos къ этому случаю изъ жизни нашихъ муниципій, можно будетъ вспомнить нѣчто изъ прошлыхъ временъ классической древности, въ которую бывали напримѣръ такія эпохи: „Несмотря на то, что невѣріе вошло въ моду въ вѣкѣ Антониновъ, читаемъ у Гиббона *),—и интересы жрецовъ и суевѣріе народа пользовались достаточнымъ уваженіемъ. И въ своихъ сочиненіяхъ, и въ устныхъ бесѣдахъ древніе философы поддерживали самостоятельныя достоинства разума, но свои дѣйствія они подчиняли велѣніямъ законовъ и обычаевъ". „Взирая съ улыбкой сожалѣнія и снисходительности на различныя заблужденія простаго народа, они все таки исполняли религіозные обряды своихъ предковъ, съ благоговѣніемъ посѣщали храмы боговъ, и даже иногда снисходили до дѣятельной роли на театрѣ суевѣрій, скрывая подъ священническимъ облаченіемъ чувства атеиста".

Остается только развести, какъ говорится, руками, въ незнаніи того, кому пальму первенства оттдать— лицемѣрнымъ ли мудрецамъ древности, „усердно" и „съ благоговѣніемъ" относившихся, въ публичномъ выраженіи своихъ чувствъ, къ религіи роднаго народа, или откровенному философу, въ лицѣ купца С—ва, публично отрекшемуся отъ религіи своего народа?. . . .

Но, однако, посмотримъ лучше на то, что было дальше съ небывалой выходкой въ захолустномъ муниципалитетѣ, окруженномъ такими степями, что, примѣняя къ нимъ выраженіе Гоголя „хоть три года скачи ни до

*) Исторія упадка и разрушенія римской имперіи, ч. I, гл. II, стр. 40.

какого государства не доѣдешь“.... Цитированная уже нами корреспонденція далѣе гласитъ такъ:—Городской голова предложилъ „этотъ вопросъ“ (т. е. вопросъ о публичномъ заявленіи „своихъ убѣжденій“ купцомъ С—вымъ) на обсужденіе избирательнаго собранія (будто бы, въ самомъ дѣлѣ, „такіе вопросы“ входятъ въ сферу компетенціи ихъ?). Но какъ же поступило въ этомъ небываломъ доселѣ случаѣ избирательное собраніе? „Собраніе (буквальное изложеніе) имѣя въ виду, что купецъ С—въ по рожденію и крещенію принадлежитъ къ православной вѣрѣ, а „вѣра въ разумъ“ есть вѣра никѣмъ непризнаваемая и не существующая (добавимъ, —кромѣ, разумѣется, города К., въ лицѣ хотя бы его купца) нашла, что приведенная С—мъ 96 ст. городоваго положенія (о подпискѣ) къ нему примѣнима быть не можетъ, и потому въ правѣ участвовать въ избраніи ему отказано“.

Но дѣло и на этомъ еще не оканчивается, такъ какъ это постановленіе избирательнаго собранія было обжаловано купцомъ С—мъ. И въ силу того, что по закону не требуется отъ избирателей присяги, то „устраненіе С—ва отъ выборовъ, читаемъ въ той же корреспонденціи, признано неправильнымъ и выборы назначены вновь“....

.... Остается, стало быть, только констатировать фактъ, и отмѣтить, что радіусъ круга вѣяній „идей“, libre penseur'овъ, охватывавшаго прежде этого лишь избранныхъ „сливокъ общества“, значительно теперь удлинился, спустившись по ниже на лѣсницѣ общественнаго положенія... Что же будетъ дальше?.. Здѣсь,

кстати, умѣстно будетъ отмѣтить нѣкоторыя характерныя черты вліянія культурныхъ слоевъ общества на простонародье. А для этого мы прежде всего снова позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ корреспонденцій. Беремъ на пробу корреспонденцію изъ Кочетка. Въ ней мы находимъ слѣдующее очень интересное мѣсто.—„Всякому „свѣжему“ человѣку, пріѣзжающему въ Кочетокъ, читаемъ здѣсь, *) рѣзко бросаются въ глаза нѣкоторыя свойства мѣстной крестьянской жизни, которыя отличаютъ эту жизнь во многихъ ея проявленіяхъ отъ жизни другихъ селъ“.—И правду надо сказать, авторъ корреспонденціи даетъ довольно много матеріала для характеристики „этихъ нѣкоторыхъ свойствъ“. Начать съ того:—„Кочетокъ собственно раздѣляется на двѣ почти равныя между собою части —Новый Кочетокъ и Старый; какъ матеріальное положеніе, такъ и образъ жизни обитателей перваго и втораго представляютъ между собою рѣзкое различіе. Нѣтъ почти ни одного дома въ Новомъ Кочеткѣ, гдѣ бы каждое лѣто не жили семейства городскихъ дачниковъ; такимъ образомъ, для обывателей этой части Кочетка лѣтнее пребываніе дачниковъ составляетъ чуть ли ни одно изъ главныхъ средствъ къ жизни, и поэтому крестьяне здѣсь относятся къ земледѣлію, которое вездѣ въ селахъ является обыкновенно занятіемъ преобладающимъ и дающимъ пропитаніе, довольно равнодушно“.

Но за равнодушнымъ отношеніемъ къ ископному занятію земледѣліемъ, въ образѣ жизни кореннаго крестьянскаго населенія послѣдовали и другія, не менѣе ра-

*) „Южн. Кр., № 1886.

дикальныя перемѣны: — „Кромѣ заработка, получаемаго за дачныя помѣщенія, здѣсь образовалось даже нѣсколько спеціальныхъ профессій, исключительно созданныхъ дачниками, такъ наприм. всевозможныя торговки, носильщики почты изъ Чугуева, подводчики, сторожа купаленъ, лодочники и т. п.

Такая коренная перемѣна въ образѣ жизни мѣстныхъ крестьянъ отразилась не менѣе сильно и на образѣ ихъ мыслей: — „Можно положительно утверждать, читаемъ далѣе въ корреспонденціи, что лѣтнее пребываніе (впрочемъ ежегодно повторявшееся, надо имѣть въ виду, въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго, вѣроятно, времени *) городскихъ дачниковъ, а также близость лагерей, давая возможность обывателямъ новаго Кочстка болѣе или менѣе соприкасаться съ городскою жизнью, разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ не только на чисто внѣшнія проявленія ихъ жизни, но и на ихъ нравственность, такъ какъ вносятъ въ деревенскую жизнь нѣкоторые элементы той трактирной цивилизаціи, верхушки которой такъ легко воспринимаются всегда неразвитыми натурами“.

Конечно, какъ обыкновенно, подобнаго рода соприкосновеніе представителей „культурнаго образа жизни“ вноситъ въ народную жизнь всѣ тѣ уродства, которыя смѣшны-то и на „господахъ“, а ужь о „мужикахъ“ — что и говорить?.. Вся роскошь и прелесть уличной

*) Кстати, воспользуемся теперь же случаемъ, попросить автора цитируемой корресп. собрать побольше подобныхъ данныхъ объ отношеніи культурнаго общества къ мѣстному населенію.

моды переносятся въ еще болѣе каррикатурномъ видѣ въ бѣдную патріархальную до этого времени деревню: —однимъ словомъ, дѣло увѣнчиваютъ, говоря словами автора цитированной нами корреспонденціи, „женскіе костюмы, снабженные всѣми аксессуарами моднаго дамскаго наряда".—И это, представьте, до того, что деревенскія бабы надѣваютъ турнюры, какъ объ этомъ какъ-то (лѣтомъ 1886 года) сообщалось въ одной изъ корреспонденцій въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ" *) Въ концѣ концовъ, авторъ корреспонденціи изъ Кочетка, пишетъ, что нравы жителей Стараго Кочетка, куда, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не заглядываютъ представители „культурнаго образа жизни",—чище и крѣпче, чѣмъ въ Новомъ Кочеткѣ, гостепріимно раскрывшемъ двери своихъ патріархальныхъ хатъ для городскихъ гостей.

Почти тождественную перемѣну въ образѣ жизни и нравахъ коренного населенія произвели и на Южномъ берегу Крыма представители культурнаго образа жизни. Вотъ одно изъ многихъ свидѣтельствъ этого грустнаго переворота, въ смыслѣ порчи нравовъ—„Край нашъ,—гласитъ одна изъ корреспонденцій, **) начиная немножко издалека,—всегда славился непостоянствомъ своего климата, а нынѣ это уже совсѣмъ изъ рукъ вонъ; впрочемъ не одна только природа, здѣсь все такъ испортилось, что скоро порядочному человѣку бѣжать отсюда надо. Вездѣ торгашество, жидовство, алчность, пьянство,

*) Дѣло началось съ того, что мужикъ подалъ прошеніе мировому судьѣ о томъ, что его жена носить начала „турнюрію", такъ чтобъ запретить ей это.

**) „Южн. Кр." № 1884.

татары, ихъ нахальство—все это не имѣетъ границъ. Прежде Ялта славилась всѣмъ этимъ, теперь и весь Южный берегъ подражаетъ ей, а уже Алушта старается ее перещеголять. Дерутъ за все немилосердно... И если-бы все это шло въ пользу ихъ семейства, было-бы понятно, а то вѣдь все уходитъ въ кабакъ жидамъ, пьютъ всѣ.—Татары уже не довольствуются своимъ національнымъ одѣяніемъ, своими роскошными бархатными куртками, шитыми золотомъ, они носятъ по большей части „бѣлые кустюмы“ при часахъ съ цѣпочками. Только татары въ деревняхъ, отдаленныхъ отъ большихъ дорогъ, сохранили свои нравы и обычаи, у нихъ все просто, никакихъ другихъ „кустюмовъ“ они не носятъ, кромѣ своихъ національныхъ одеждъ. Пріѣзжихъ принимаютъ радушно, угощаютъ чѣмъ могутъ и ни за что не возьмутъ платы за угощеніе, и обижаются, если ее предложишь.—Но, въ заключеніе предполагаетъ корреспондентъ, не въ далекомъ будущемъ измѣнятся здѣсь всѣ татары. Ядъ „цивилизаціи“ и до нихъ дойдетъ. Грустно думать, что такъ гибельно мы вліяемъ на татаръ. Давно-ли было то время, лѣтъ 15 не прошло, что алуштскіе татары были честны, трезвы, скромны, гостепріимны и не жадны на деньги. Нравственность татаръ испортили пріѣзжіе сюда жуировать русскія барыни, алчности научили ихъ жиды, пьянству русскій народъ. Бѣдные татары!“—И такъ далѣе......

....Рядъ подобныхъ корреспонденцій и сентенцій, въ нихъ выражаемыхъ, мы могли бы продолжить ad libitum. Но зачѣмъ? Къ тому, что уже выражено, новыя цитаты ничего не прибавили-бы, потому что они вообще не

затрагиваютъ по существу главнаго вопроса о свойствѣ вліянія культурныхъ слоевъ общества на болѣе или менѣе низшіе его классы. Напримѣръ, ни въ одной изъ корреспонденцій, къ сожалѣнію, вы не встрѣтите очень важнаго вопроса въ отношеніяхъ интеллигенціи къ народу —вопроса о впечатлѣніяхъ на умъ народа знанія и образованности, въ ихъ положительномъ смыслѣ. А зачатки такихъ впечатлѣній безъ сомнѣнія существуютъ въ каждомъ случаѣ вліянія. Оно—правда, что разобраться въ подобной матеріи дѣло очень трудное, по своей серьезности и по сложности, запутанности и разнородности тѣхъ жизненныхъ явленій, которыя должны быть матеріаломъ для подобнаго рода наблюденій и впечатлѣній. Что порча нравовъ играетъ не послѣднюю роль въ отношеніяхъ культурныхъ слоевъ къ народу— это, конечно, фактъ, не требующій большаго напряженія ума, чтобы нарисовать причинную связь такого вліянія. Но что касается „впечатлѣній знаній и образованности", то это вопросъ далеко не рѣшенный и крайне интересный. Начать съ того, что образованіе, знаніе, наука—вещи черезъ чуръ трудныя, какъ со стороны своего объекта, такъ сказать,—такъ, главнымъ образомъ со стороны тѣхъ субъективныхъ данныхъ, требованія на которыя истинное образованіе, настоящая наука предъявляютъ самыя строгія:—„образованіе оказываетъ благотворное вліяніе почти только на однѣ счастливо одаренныя натуры", говоритъ знаменитый историкъ, Гиббонъ, *)—

*) Исторія упадка и разруш. Римск. Импер. ч. I, гл. IV, стр. 116.

„для которыхъ, оно почти излишне“ добавляетъ онъ. Этотъ горькій смыслъ только—что приведеннаго сужденія глубокаго авторитета науки надо не забывать при рѣшеніи вопроса—о впечатлѣніяхъ знанія и образованности на невѣжественную среду лицъ. И смѣшивать эти серьезныя впечатлѣнія на интелектуальную способность ума невѣжественныхъ массъ съ эпикуреизмомъ жизни въ культивированныхъ ея формахъ—совсѣмъ не слѣдуетъ.

Старая, какъ міръ, истина, что пороки заразительнѣе добродѣтелей, которыя вообще по своей натурѣ не могутъ льстить человѣческимъ слабостямъ, и—на оборотъ на лесть пороки большіе охотники. И потому грубая невѣжественная масса очень склонна всасывать въ себя такъ называемую „трактирную цивилизацію“, испортившую нравы и болѣе нѣжныхъ и болѣе интеллигентныхъ слоевъ общества. Эпикуреистическій матеріализмъ наслажденія жизнью—вещь совсѣмъ не хитрая, и потому есть всегда на готовѣ тьма охотниковъ до него. Но бѣда, когда этотъ разслабляющій эпикуреизмъ охватываетъ стоическую простоту нравовъ народа. Здѣсь именно, пожалуй, будетъ болѣе чѣмъ кстати напомнить одинъ мало популярный историческій фактъ, очень подходящій къ затронутой нами темѣ. Знаменитый философъ древности, Лонгинъ, жившій 17 вѣковъ тому назадъ, при дворѣ великой Сирійской королевы Зиновіи,—въ числѣ цѣлаго ряда, оставленныхъ имъ, для человѣчества сужденій, которыхъ намъ нѣтъ надобности теперь касаться, какъ напримѣръ о томъ, что человѣческая натура такова, что она всегда не довольна

своимъ настоящимъ положеніемъ и т. д. Говоритъ еще вотъ что:—„Я скорѣе того мнѣнія, что энергія и умъ задавлены всеобщей нищетой, созданной непрерывными войнами,—и отвратительными чувствами, которыя господствуютъ повсюду". Въ чемъ-же состоятъ эти отвратительныя чувства, задавляющія энергію и умъ—рѣшеніе этого вопроса заключается въ слѣдующемъ рядѣ положеній:—„Мысли каждаго сосредоточены на пріобрѣтеніи выгодъ и удовлетвореній своихъ наклонностей. Въ обществѣ распространилась незнающая границъ роскошь со всѣми, не разлучными съ нею, пороками. Это дѣлаетъ людей неспособными имѣть благородныя мысли, ослабляетъ влеченіе къ безсмертнымъ предметамъ, и унижаетъ душу до ничтожества. Такое рабство болѣе порочно и болѣе вредно по своимъ послѣдствіямъ, чѣмъ всякое публично признанное рабское подчиненіе.

И вотъ именно, въ томъ, вѣроятно,—и вся бѣда, что подобнаго рода рабское подчиненіе эгоизму собственныхъ страстей, ничѣмъ не стѣсняемыхъ и разслабляющихъ нравственныя и умственныя силы какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлаго общества, своимъ узко матеріалистическимъ эпикуреизмомъ въ жизни, всегда въ концѣ концовъ отличавшимъ извѣстныя эпохи представителей культурнаго образа жизни, при соприкосновеніи ихъ съ простымъ народомъ заражаетъ и его стоическую простоту нравовъ, принуждавшую своихъ представителей, волею или неволею, быть строгими къ себѣ и индеферентными къ случайностямъ на полѣ жизни,—заражаетъ той нравственно-психической худосочностью, отъ которой погибло уже столько личностей, народовъ, государствъ...

И въ самомъ дѣлѣ, постараемся вникнуть въ свойства той порчи нравовъ, которую вносятъ въ патріархальную семью изнѣженность, рабское подчиненіе своимъ страстямъ и тѣ отвратительныя чувства, которымъ приписываетъ почти все зло Лонгинъ. Въ самомъ дѣлѣ, посмотримъ на наше захолустье теперь, когда въ немъ зашевелилась его тишь да гладь!...... Право, risu te neatis!... Напримѣръ, начнемъ хотя-бы съ того, что лѣтомъ, когда особенно оживаетъ захолустье, здѣсь, въ наше время, мечутся туда и сюда диковинныя, для обросшихъ провинціальной „дичью", лица. Эти лица производятъ впечатлѣніе единственно чудовищностью своей, такъ сказать, внѣшней оболочки:—остроносые ботинки, чудовищныя шляпы, какія нибудь перчатки, жилеты и еще что? только это одно и производитъ впечатлѣніе. Что касается „впечатлѣній знанія и образованности", то обращаетъ на себя вниманіе и находитъ подражателей развѣ—что „галантерейная тонкость обращенія", врядъ-ли говорящая что-нибудь положительное уму и сердцу.... Конечно, такая „проява" (выражаясь по мѣстному) на горизонтѣ провинціальной тиши и глуши колетъ глаза, и заставляетъ болѣе ретивыхъ посмотрѣться въ зеркало, помыться, постричься, стянуть смазные сапоги, напомадиться, надѣть желтыя перчатки... Но врядъ-ли, чтобы при такомъ „переворотѣ" осталось мѣстечко для трудныхъ „впечатлѣній знанія и образованности"... Культурная метаморфоза, если и выходитъ за предѣлы „внѣшней оболочки", то во всякомъ случаѣ не идетъ далѣе галантерейности чувствъ и обращенія „какъ принято въ высшемъ обществѣ", по словамъ

Гоголевскаго „Анучкина“. Но то образованіе, которое, по утвержденію *Гиббона*, оказываетъ благотворное вліяніе почти только на однѣ счастливо одаренныя натуры —для податливой на новизну толпы не существуетъ... И на это въ особенности слѣдуетъ обратить вниманіе потому, что при такомъ порядкѣ вещей, культурная метаморфоза, ниспровергающая патріархальный складъ жизни, съ ея стоическимъ закаломъ и притомъ еще, какъ у насъ, патріархальный складъ, озаряемый не мракомъ грубаго суевѣрія, а высокой религіей любви къ Богу, съ ея заповѣдями любви къ ближнему, какъ бы эта культурная метаморфоза именно, говоря словами приведенной уже нѣмецкой пословицы, „не выбросила вмѣстѣ съ колыбелью и ребенка“?.....

И это тѣмъ болѣе, что, съ позволенія сказать, „турнюрная культивировка“ образа жизни простонародья, зачатки которой мы вначалѣ привели, какъ показываетъ жизнь, заходитъ далѣе предѣловъ только одной внѣшней оболочки своихъ адептовъ, увлекая ихъ по торной дорожкѣ жажды пустыхъ наслажденій и легкомысленнаго пренебреженія къ тяжелому кресту жизни, исполненной суроваго, серьезнаго труда... А это, безспорно, первый шагъ къ тѣмъ „отвратительнымъ чувствамъ“, которыя, въ такихъ случаяхъ не заставляютъ себя ждать и которыя сирійскій мудрецъ Лонгинъ считаетъ причиной, дѣлающей людей неспособными имѣть благородныя мысли, влеченіе къ безсмертнымъ предметамъ—что все, по мнѣнію сирійскаго мудреца, „унижаетъ душу до ея ничтожества“.

Я уже умолкаю предъ той переспективой, въ подобнаго рода „прогрессѣ жизни“,—которая можетъ рисовать намъ картину не только практическаго осуществленія эпикуреизма жизни, но гораздо болѣе глубокую метаморфозу въ міровоззрѣніяхъ невѣжественной толпы, когда „и горніе предѣлы, и священные завѣты“ стали бы ей нипочемъ.... До такого психическаго оскудѣнія— еще, слава Богу, далеко.

И при томъ еще, надо принять во вниманіе, что при подобномъ порядкѣ вещей, „впечатлѣнія—то знанія и образованности“ остаются за штатомъ, такъ сказать, не въ удѣлъ.... И въ подобной культурной метаморфозѣ выплываетъ наружу не приращеніе ума, а лишь развратъ сердца, при чемъ первымъ дѣломъ сбрасываются съ плечъ „заботы о какихъ-то, какъ говорилъ Кавелинъ, сомнительнаго свойства и во всякомъ случаѣ очень далекихъ и туманныхъ принципахъ, связывающихъ душу человѣка по рукамъ и ногамъ“.—И вотъ, когда подобное развращеніе сердца случается и захватываетъ все большій и большій кругъ, тогда настаетъ то ужасное время, которое родитъ безурядицу въ головахъ, полную анархію въ мысляхъ и воззрѣніяхъ, прямо ведущую, какъ предсказывалъ, еще ранѣе Кавелина, Карлейль,—къ ослабленію и отрицанію всякихъ идеальныхъ стремленій и цѣлей. А вслѣдъ за упадкомъ подъема духовныхъ силъ быстро настаетъ еще горшій моментъ, какъ слѣдствіе перваго,—моментъ, съ котораго начинаетъ царить въ умахъ ходячій взглядъ такъ называемыхъ практическихъ людей,—неподражаемо глубокую характеристику котораго далъ Кавелинъ, говоря въ

„Задачахъ этики“ слѣдующее:—„Привычка видѣть практическое только въ томъ, что передъ глазами, и считать за утопіи и иллюзіи отдаленныя причины явленій, къ которымъ приводитъ лишь длинный рядъ сложныхъ соображеній и выводовъ, мѣшаетъ этимъ людямъ оцѣнить и взвѣсить какъ должно громадную роль и значеніе этическихъ элементовъ въ человѣческихъ дѣлахъ. Дѣйствительность—такъ разсуждаетъ большинство практиковъ—представляетъ людямъ столько средствъ улучшить самое положеніе, развить свои силы и таланты; эти средства у нихъ подъ руками:—стоитъ только за нихъ приняться; а тутъ имъ противупоставляютъ какія-то туманныя, весьма сомнительнаго достоинства правила нравственности, пренебрегающія, во имя Богъ знаетъ чего, дѣйствительными благами. И добро бы можно было переродить весь человѣческій родъ и изъ людей подѣлать ангеловъ. Нравственность и ея законы,—все это пустыя слова, столько-же древнія какъ міръ и давно перешедшія въ прописи на поученія ребятишкамъ“. Сдѣлавъ эту характеристику взгляда практическихъ людей, Кавелинъ съ грустной ироніей замѣчаетъ:—„Огромное большинсаво склоняется передъ ихъ житейскою мудростью. Это называется принимать жизнь, какова она есть, не увлекаться мечтами и иллюзіями“.

Неужели-же въ прогрессирующей популярности и популяризаціи такого рода „отвратительныхъ чувствъ“ заключается прогрессъ жизни, а—не претенціозная популярность „невѣжества“ и лжи, вслѣдствіе которыхъ, давно уже, по словамъ Карлейля,—„Міръ сдѣлался такой нескладной мельницей, что дѣятельность чуть не

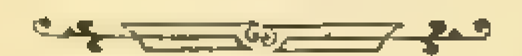
каждаго человѣка перепуталась съ дѣятельностью сосѣда, съ намѣреніемъ направить ее на ложный путь, а духъ невѣжества, лжи, ненависти твердо держится между нами и питаетъ надежду сдѣлаться господствующимъ?“... Но при чемъ же тутъ, въ этомъ „прогрессѣ“ жизни,—наука, въ ея настоящемъ смыслѣ, когда здѣсь дѣло идетъ о популяризаціи тѣхъ „отвратительныхъ чувствъ“, которыя еще 17 вѣковъ назадъ, по свидѣтельству мудреца двора королевы Сирійской Зиновіи,—дѣлали людей неспособными имѣть благородныя мысли, ослабляли у людей влеченіе къ безсмертнымъ предметамъ и унижали душу ихъ до ничтожества:—вся бѣда въ томъ, что эти „отвратительныя чувства“, ветхія у человѣчества какъ его міръ, теперь выдаются за послѣднія слова науки, но—кѣмъ? Конечно, авторитетами, достойными этихъ „послѣднихъ словъ“....

Въ своихъ „Мемуарахъ“ Гиббонъ говоритъ:—„Мнѣ нѣсколько разъ приходила мысль написать „разговоръ мертвыхъ“, въ которомъ Вольтеръ, Эразмъ и Лукіанъ признавались бы другъ передъ другомъ, что крайне опасно предавать старинныя суевѣрія поруганіямъ слѣпой и фанатической толпы“.

Забывать это тѣмъ болѣе не слѣдуетъ намъ, въ нашемъ „культурномъ стремленіи“, заставляющемъ свысока смотрѣть на историческія традиціи родного народа, что у него имѣется своя ясно сформированная культура, озаренная лучами религіи любви къ Богу, заповѣдями ея—любви къ ближнему.... Не вытравлять этой культуры, связавшей русскій народъ въ одно крѣпкое, народной основой, цѣлое,—не вдувать въ жизнь этой

массы нашего нравственно-психическаго безсилія, бросившаго героевъ современности въ заколдованный кругъ „безъисходной тоски и отчаянія“, а на оборотъ слѣдуетъ утверждать, по мѣрѣ силъ, эту культуру, проникнутую духомъ вѣры и надежды, пропитанную духомъ яснаго правильнаго пониманія дѣйствительныхъ отношеній между идеаломъ и дѣломъ, каковой правильный взглядъ Кавелинъ замѣчалъ лишь у нашего простаго народа, а не въ нравственно-худородныхъ „культурныхъ“ слояхъ.

И лишь такимъ образомъ очищенное культурно—просвѣтительное значеніе, при соприкосновеніяхъ интеллигенціи съ народомъ, станетъ на подобающую высоту своего положенія—вносить въ массу народной жизни „впечатлѣнія знаній и образованности“, безъ порчи нравовъ, безъ порчи народнаго сердца. Таковы, мнѣ кажется, послѣ посильнаго анализа, въ бѣглой замѣткѣ должны быть pia desiderata прогресса простонародной жизни. И теперь, именно, какъ разъ къ этому само время насъ приводитъ, судя по нѣкоторымъ намекамъ въ народной жизни, съ указанія на которые я и началъ настоящую замѣтку.

Слова и иллюзіи гибнутъ, факты остаются.

....Эту странность,
Какъ странника, укрой въ своемъ жилищѣ.
Есть многое на небѣ и землѣ,
Что и во снѣ, Гораціо, не снилось
Твоей учености.

Изъ Шекспира.

I.

Поговорить на такую тему „вопросовъ знанія", теперь болѣе, чѣмъ своевременно... Ибо, во пѐрвыхъ: —„всѣ внѣшніе устои, на которыхъ люди надѣялись крѣпко и прочно построить свое существованіе, оказываются шаткими, колеблющимися и подъ ними мы открываемъ того же человѣка, который, какъ намъ думалось, всецѣло отъ нихъ зависитъ, безусловно имъ подчиненъ и долженъ, волей-неволей, ими руководиться въ своихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ". Таково—мнѣніе одного изъ глубочайшихъ русскихъ ученыхъ, К. Кавелина.

Но тѣмъ не менѣе, одновременно съ этимъ роковымъ моментомъ въ „вопросахъ знанія" человѣческаго и какъ ни сильно онъ сознается даже въ средѣ научнаго матеріализма, какъ ни сильно наши нынѣшніе матеріалисты наклонны къ скептическимъ и релативистическимъ уклоненіямъ, какъ ни охотно они говорятъ о непостижи-

мости послѣднихъ основаній всякаго бытія, по непостижимости „духовнаго“ они никакъ не допускаютъ, потому что главный подвигъ матеріализма признается именно въ томъ, что и душевная дѣятельность человѣка вполнѣ объясняется функціями матеріи. Въ этомъ, по крайней мѣрѣ, заключается весь фокусъ значенія современнаго матеріализма и его популяризаціи. То есть, иначе говоря словами автора „Задачъ этики“:—„Знаніе, наука, постепенно расширяясь, захватили въ кругъ своихъ изслѣдованій и горніе предѣлы, и священные завѣты и ученія, проникли въ сокровеннѣйшія тайны человѣческой души, всюду и во всемъ открывая неизмѣнныя условія и законы, управляющіе объективною стороною дѣйствительной жизни“.—Однимъ словомъ, матеріализмъ нынѣ, если оставить въ сторонѣ „границы человѣческаго познанія“, образуетъ не только результатъ, но и условіе всего изслѣдованія „міра“, „жизни“ и „духа“,—результамъ и условіе всего зданія, такъ называемой „западно-европейской культуры“ человѣчества. Тѣмъ, конечно, интереснѣе ознакомиться съ „прорѣхами“ этой культуры,—которыя чѣмъ яснѣе и чаще сознаются корифеями ея, и особенно знаменательно—самыми значительными и глубокими естествоиспытателями,—тѣмъ все болѣе распространяется критическая точка зрѣнія на „вопросы знанія“,—точка зрѣнія, которая вновь уничтожаетъ матеріализмъ въ принципѣ, не смотря на его прогрессирующую популяризацію и демократизацію.

Въ настоящей замѣткѣ мы, по мѣрѣ силъ и возможности, коснемся положеній этой критической точки

зрѣнія на „вопросы знанія“, подрывающей вѣру въ догматику матеріализма, проливающей новый свѣтъ на вѣковые „вопросы жизни и духа“, скрывающіеся въ пелену неизвѣстности отъ любопытныхъ глазъ человѣка. —Конечно, мы въ силахъ будемъ указать здѣсь на болѣе „выпуклые“ моменты, не разсыпаясь въ неумѣстныя для нашей цѣли подробности. Но чтобы читатели, отвлекаемые „недосугомъ“ или другими какими причинами отъ ознакомленія себя съ произведеніями научно-философской литературы, тѣмъ не менѣе могли оріентироваться при сформированіи своихъ „стремленій“, „тенденцій“, „убѣжденій“ по адресу „современнаго духа времени“,—мы, стараясь рѣже „перелицевывать“ своими словами ходъ занимающихъ насъ вопросовъ, будемъ этотъ недостатокъ замѣнять сообразнымъ ходу изложенія подборомъ цитатъ изъ произведеній научно-философской литературы, чѣмъ конечно, можетъ быть, дадимъ приблизительное понятіе о самихъ оригиналахъ... И такъ, на этотъ разъ мы поговоримъ о томъ, насколько состоятельны основанія матеріализма—мертвый “міръ атомовъ“ сдѣлать „настоящей родиной“ человѣческой души, т. е.—о самомъ главномъ подвигѣ современнаго матеріализма. Для этой цѣли, прежде всего надо сказать хоть пару словъ объ исторіи такой попытки объяснять жизнь человѣческаго духа. Попытка такого рода теряется своимъ началомъ въ древнѣйшей исторіи философіи. Историки матеріализма утверждаютъ, что онъ также старъ, какъ и вообще философія. А эта послѣдняя родилась на свѣтъ чуть ли не одновременно съ первымъ проблескомъ человѣческаго сознанія, начав-

шаго критически относиться къ матеріалу своихъ впечатлѣній. И лишь началъ „мыслить“ человѣкъ, у него родились двѣ возможности—объяснять явленія, открывавшіяся передъ горизонтомъ его мысли. Одинъ путь уразумѣнія этихъ явленій былъ по преимуществу „идеалистическимъ“; другой, болѣе устремленный на „объективную“ сторону вещей, былъ преимущественно „матеріалистическимъ“, переносящимъ „объективные законы міра“ и на существо своей души. Исторія человѣческой мысли представляетъ намъ глубоко трагичную картину борьбы этихъ двухъ основоначальныхъ точекъ зрѣнія на „міръ Божій“ во всей его непостижимости, цѣлости, разнообразіи, красотѣ... И какъ не было того момента въ теченіи исторіи этой борьбы двухъ „системъ міроразумѣнія“, чтобы какая-нибудь изъ нихъ двухъ совершенно стиралась съ лица земли, равнымъ образомъ въ каждую данную эпоху времени замѣчается преобладаніе въ умахъ одной изъ нихъ, своими тенденціями окрашивающей весь современный себѣ ходъ жизни, чтобы снова, когда придетъ закономѣрный чередъ, замѣниться тенденціями противоположной системы міроразумѣнія. Такая преемственность понятій продолжается вплоть до нашихъ дней, въ которые, между прочимъ, все съ большей принудительностью бросается въ глаза господство матеріалистичестой точки зрѣнія съ ея „научно-механическими“ воззрѣніями на Божій міръ. И однако, въ наши же дни все глубже и основательнѣй раздаются голоса противоположнаго характера. Причина подобной неустойчивости обѣихъ „точекъ зрѣнія“ міропостиженія лежитъ, какъ мы увидимъ, въ самомъ свойствѣ чело-

вѣческой способности къ познаванію, и въ самомъ способѣ познаванія. „Если бы мы, говоритъ Ф. А. Ланге, совершенно понимали „отношеніе сознаванія“ къ тому способу, которымъ мы мыслимъ объекты природы, то не было ли бы намъ вполнѣ ясно и то, почему мы должны представлять себѣ субстанцію міра, при естественно-научномъ мышленіи, какъ вещество и силу? Что обѣ задачи тождественны, дѣйствительно болѣе чѣмъ вѣроятно. Да въ концѣ концовъ вышло бы на одно, сводилось ли бы первое на второе, или наоборотъ, и все же одинъ способъ сведенія по своей тенденціи — матеріалистическій, а другой — идеалистическій. Мыслимое разрѣшеніе конечно, если оно вообще возможно, уничтожило бы вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность матеріализма и идеализма“ *).

Остановимся теперь подробнѣй на этомъ, съ перваго взгляда парадоксальномъ фактѣ о возможномъ тождествѣ матеріализма съ идеализмомъ, этихъ повидимому столь діаметрально противоположныхъ ученій. Это насъ переноситъ въ сферу критической оцѣнки характера нашей познавательной способности, науки и ея элементовъ. Для этого прежде всего взглянемъ на общія свойства науки: — „Знаніе, наука, постепенно расширяясь, захватили въ кругъ своихъ изслѣдованій и горніе предѣлы, и священные завѣты и ученія, проникли и въ сокровеннѣйшія тайны человѣческой души, всюду и во всемъ открывая неизмѣнныя условія и законы, управляющіе объективною стороною дѣйствительной жизни. Но инди-

*) Ф. А. Ланге, „Исторія матеріализма“, томъ II-й, 139 стр. Переводъ г. Страхова.

видуальное, личное, единичное до сихъ поръ ускользало изъ рукъ, какъ Протей; оно всегда выпадало изъ знанія и съ нимъ справиться или хотя бы только подойти къ нему наука не могла. Причина этого лежитъ въ ея пріемахъ и въ свойствѣ единственнаго ея орудія —мышленія. Умъ разсѣкаетъ живое явленіе, чтобы извлечь изъ него общее; наука и занимается только общимъ; индивидуальное, единичное отбрасывается ею, какъ ненужное для ея цѣлей; между тѣмъ оно то и есть реальное, сама дѣйствительность, сама жизнь. Стало быть, наука въ самую жизнь проникнуть не можетъ. Что же она такое?—въ концѣ концовъ спрашиваетъ К. Кавелинъ. И что такое это общее, которое она вырабатываетъ? Къ чему оно служитъ?" *).

Теперь обратимъ вниманіе на элементы, изъ которыхъ слагается наука; опредѣлимъ характеръ природы того матеріала, надъ которымъ работаетъ наука.

„Знаніе, думалось когда то, продолжаетъ тотъ же авторъ, есть нѣчто непосредственное и крайне простое, понятное само собою. Человѣкъ знаетъ предметъ, вотъ и все. Онъ узнаетъ его въ первый разъ такъ же просто, какъ признаетъ его при новой съ нимъ встрѣчѣ. Но оказывается, что знаніе -- весьма сложный психическій актъ, и что предметъ знанія вовсе не то, что мы подъ нимъ разумѣемъ, а нѣчто совсѣмъ другое. Передо мною мой письменный столъ. Я его давно и хорошо знаю и воображаю, что знакомъ съ нимъ непосредственно. На самомъ же дѣлѣ это вовсе не такъ. Столъ производитъ

*) К. Кавелинъ, „Задачи этики".—„Ученіе о нравствен. при соврем. условіяхъ знанія", 29 стр.

во мнѣ впечатлѣніе, и я знаю это впечатлѣніе, а не самый столъ. Каждый разъ онъ производитъ на меня одно и тоже впечатлѣніе, по которому я и узнаю, что передо мною тотъ же самый столъ, за которымъ я много разъ сиживалъ и прежде. Все, что мы узнаемъ или признаемъ, мы знаемъ такимъ же образомъ. Ощущенія, мысли, которыя въ насъ родились или нами вычитаны, производятъ въ насъ впечатлѣнія, и эти впечатлѣнія, мы узнаемъ или признаемъ. Значитъ, не одни внѣшнія явленія, а все на свѣтѣ можетъ быть предметомъ, объектомъ знанія, но только по впечатлѣніямъ, какія оно въ насъ производитъ, а такъ какъ всякое произведенное въ насъ впечатлѣніе находится въ насъ, то и оказывается, что знаніе не имѣетъ дѣла непосредственно съ предметомъ, а съ тѣми слѣдами, какіе эти предметы оставили въ нашей душѣ. Достовѣрность, несомнѣнность знанія основаны на увѣренности, что „одинъ и тотъ же предметъ производитъ въ насъ одно и тоже впечатлѣніе“ *).

Теперь взглянемъ на ту сумму условій, отъ которыхъ зависитъ, чтобы „одинъ и тотъ-же предметъ“ производилъ всегда въ насъ „одно и тоже впечатлѣніе“. То есть, мы теперь должны познакомиться съ тѣмъ фактомъ вліянія, который производитъ въ насъ, такъ называемый, субъективно-психическій элементъ, входящій въ наши знанія объ явленіяхъ, лежащихъ внѣ насъ. Роль этого субъективно-психическаго элемента громадна, и отпечатокъ его, какъ увидимъ, лежитъ роковымъ образомъ на всемъ нашемъ знаніи. И такъ, приступимъ

*) Idem 30 стр.

къ этому сколько роковому, столько же и измѣнчивому фактору. „Причинъ нашихъ воспріятій нельзя искать исключительно въ объектахъ, ибо явленія,—какъ доказываетъ современная физіологія,—не входятъ въ наши чувства, какъ въ открытую дверь, не достигаютъ непосредственно и безъ всякихъ измѣненій центральнаго органа, какъ-то воображается „наивному реализму“ обыденнаго мышленія, *) но видоизмѣняется самымъ актомъ воспріятія. Свѣта, звука, теплоты (какъ мы ихъ себѣ представляемъ) не существуетъ объективно, а между тѣмъ представленія свѣта, звука, теплоты суть только воспроизведенныя нами чувственныя воспріятія и того, и другого, и третьяго. Причины воспріятій находятся столько-же въ объектахъ, какъ и въ субъектѣ; качество воспріятій измѣняется по этому не только вмѣстѣ съ измѣненіемъ объекта, но и вмѣстѣ съ измѣненіемъ субъекта. Воспріятіе одного и того-же объекта различными субъектами различно. Находясь въ зависимости отъ органовъ, чувствительныя воспріятія мѣняются вмѣстѣ съ ними и, такимъ образомъ, рядомъ съ общими объективными причинами даютъ для каждаго организма частныя субъективныя причины, общая совокупность которыхъ и опредѣляетъ количество нашего опыта. Опытъ нашъ, какъ видно изъ этого, есть

*) „Внѣшнее явленіе реально входитъ въ наши чувства, не теряетъ своего матеріальнаго характера, проходитъ по реальнымъ проводникамъ, видоизмѣняется въ дѣятельность центральнаго органа и становится представленіемъ. Наукѣ удалось даже измѣрить время, въ теченіе котораго происходитъ этотъ „процессъ“ и т. д. (М. А. Антоновичъ, „Два типа современныхъ философовъ“, въ „Современникѣ“, 1861 г., кн. 4, стр. 380.

извѣстный опредѣленный субъективно-объективными условіями опытъ и основанное имъ мышленіе есть извѣстное, опредѣленное, наше мышленіе. Другіе организмы, воспринимая не такъ, какъ мы, имѣютъ и не такія представленія, а слѣдовательно и мыслятъ не такъ, какъ мы. Академикъ фонъ-Беръ—превосходно выяснилъ это различіе. Онъ говоритъ, что скорость воспріятій и обусловленная ею скорость умственной жизни у животныхъ пропорціональна скорости ихъ пульсацій. Такъ какъ у кролика, напримѣръ, пульсація совершается вчетверо скорѣе, чѣмъ у быка, то кроликъ въ одно и тоже время вчетверо скорѣе воспринимаетъ впечатлѣнія, вчетверо скорѣе въ состояніи проявить свою дѣятельность, и вообще вчетверо болѣе переживаетъ чѣмъ быкъ. Вообще говоря, внутренняя жизнь различныхъ видовъ животныхъ, и человѣка включительно, протекаетъ въ одни и тѣ же астрономическіе промежутки времени со специфически различною скоростью; и сообразно съ тѣмъ соразмѣряется и субъективная мѣра времени у каждаго изъ этихъ существъ. Только потому, что наша мѣра сравнительно не велика, представляется намъ органическій индивидъ, растеніе или животное, постояннымъ въ своей формѣ и величинѣ: мы можемъ въ теченіе одной минуты видѣть его сто и болѣе разъ, не замѣчая никакого внѣшняго измѣненія. Если же мы допустимъ, что пульсація наша, затѣмъ способность воспринимать, умственный процессъ и внѣшній ходъ жизни значительно замедлились или ускорились, то необходимо будетъ допустить и соотвѣтственное измѣненіе въ нашихъ представленіяхъ. Поло-

жимъ, что жизнь наша—дѣтство, зрѣлый возрастъ и старость—была бы сведена на тысячную часть теперешней ея продолжительности и длилась бы всего одинъ мѣсяцъ, и что біеніе пульса ускорилось бы вмѣстѣ съ тѣмъ въ тысячу разъ, то явилась бы возможность весьма удобно прослѣдить взглядомъ за полетомъ ружейной пули. Если же затѣмъ жизнь была бы сокращена еще на одну тысячную и ограничена только 40 минутнымъ срокомъ, то трава и цвѣты показались бы намъ столь же неподвижными, какъ и горныя цѣпи, и о развитіи древесной почки мы, въ теченіе нашей жизни, могли бы замѣчать въ такой же мѣрѣ, въ какой для насъ доступно воспріятіе геологическихъ видоизмѣненій земнаго шара; при этомъ условіи, произвольныя движенія животныхъ сдѣлались бы для насъ совершенно незамѣтными: они были бы слишкомъ медленны; мы могли бы только заключать о нихъ, какъ заключаемъ теперь о движеніи небесныхъ тѣлъ. При дальнѣйшемъ же сокращеніи продолжительности жизни, свѣтъ, видимый нами теперь, не могъ бы ощущаться, звуки, слышимые теперь, замолкли бы. Если же жизнь человѣческая будетъ не сокращаться и сплачиваться, а напротивъ того, значительно удлиняться, то какъ различны будутъ образы! Положимъ, напримѣръ, что пульсація и способность воспріятія замедлятся въ тысячу разъ и жизнь наша достигнетъ 80 тысячъ лѣтъ. Въ теченіе одного года мы будемъ переживать столько-же, сколько теперь переживаемъ въ 8 или 9 часовъ; въ теченіе четырехъ часовъ увидимъ мы, какъ исчезнутъ зимніе снѣга, какъ зазеленѣетъ земля, выростетъ трава и зацвѣтутъ цвѣты, деревья

покроются листвой и плодами и затѣмъ вся растительность снова увянетъ. Многія явленія при этомъ, по скорости своей, вовсе не будутъ воспринимаемы; развитіе гриба представится подобно моментальному взлету воды, бьющей изъ фонтана. Ночи и дни станутъ смѣняться какъ темныя и свѣтлыя минуты и солнце съ большею скоростью пойдетъ по небесному своду. Если же такимъ образомъ въ тысячу разъ замедленная человѣческая жизнь замедлится еще въ тысячу разъ, такъ что человѣкъ въ теченіе одного года не получитъ возможности пережить болѣе 189 воспріятій, то различіе дня и ночи исчезнетъ вовсе, движеніе солнца представится какъ свѣтящаяся радуга на небѣ, подобно тому, какъ быстро вращаемый раскаленный уголь представляется огненнымъ кругомъ; растительность же станетъ съ неистовой поспѣшностью то возникать, то вновь исчезать. Всѣ кажущіеся намъ постоянными образы растворятся въ стремительности происхожденія и поглотятся въ дикомъ напорѣ возникновенія! (K. E. w. Bàr, „Welche Auffasung der Iebenden Natur ist die richtige?“ *).

Такова сила значенія субъективно-психическаго элемента въ образованіи нашихъ представленій о явленіяхъ внѣ насъ лежащихъ. И на этой почвѣ физико-психическихъ условій „нашего субъекта“ строится все наше знаніе, вся наша наука, такъ что, само собою очевидно, дѣйствительная физіономія объективнаго міра вещей, лежащаго внѣ сферы нашего субъекта, — совсѣмъ иная, чѣмъ она намъ кажется при наличности

*) Цитировано изъ „Опыта критическаго изслѣдованія основоначалъ позитивной философіи“ В. Лесевича, 176—179 стр.

условій нашей организаціи. Представленіе о немъ зависитъ всецѣло отъ нашего „субъекта“: — „Кантъ стоитъ одинъ на той строгой и вполнѣ ясной точкѣ зрѣнія, что мы знаемъ о вещахъ въ себѣ лишь одно, именно то, что Фейербахъ упустилъ изъ виду, что мы должны предположить ихъ, какъ необходимое слѣдствіе нашего собственнаго ума, т. е., поясняетъ Ланге,—что человѣческое познаніе является лишь какъ бы маленькимъ островомъ въ безмѣрномъ океанѣ вообще возможнаго познанія (105 стр.. „Исторія матеріализма“ тома II). Но вотъ, еще ярче опредѣляетъ Ланге зависимость нашего познанія отъ субъективно—психическаго міра:— „Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что въ нашихъ нынѣшнихъ естественныхъ наукахъ всюду матерія есть неизвѣстное, а сила извѣстна. Если мы вмѣсто силы предпочитаемъ говорить „свойство матеріи“, то мы должны остерегаться логическаго круга! „Вещь“ становится намъ извѣстной своими свойствами; субъектъ опредѣляется своими предикатами. Но „вещь“ въ дѣйствительности есть только желанная точка отдохновенія для нашего мышленія. Мы ничего не знаемъ, кромѣ свойствъ и ихъ сочетаній въ чемъ-то неизвѣстномъ, предположеніе котораго есть созданіе нашего духа, но, какъ кажется, созданіе необходимое, вызываемое нашей организаціей“. („Ис. мат.“, т. II, стр. 195). Потому,— что въ самомъ дѣлѣ, представленіе объ атомахъ (на которые въ концѣ концовъ наука о природѣ разлагаетъ міръ матеріальныхъ вещей) и ихъ движеніяхъ легко выводится изъ субъективно-психическаго міра нашихъ ощущеній, а не на оборотъ. „Можно бы теперь попы-

таться, говоритъ Ланге, начиная съ ощущеній, выступить за границы познанія природы и такимъ образомъ всю естественную науку сдѣлать какъ бы спеціальною областью психологія". Но по мнѣнію Ланге, подобная психологія не имѣетъ средствъ стать положительною наукою. Нѣсколько иного мнѣнія, какъ увидимъ, держится Кавелинъ, къ формулировкѣ которымъ данныхъ въ наукѣ о познаніи „вещей въ объективномъ мірѣ" мы сейчасъ перейдемъ, подчеркнувъ только слѣдующее весьма важное положеніе, сдѣланное Ланге: „Все таки въ сущности все существуетъ въ субъектѣ, такъ какъ и „объектъ" первоначально означаетъ ничто иное, какъ „предметъ" нашего представленія". („Ис. мат.", т. II, стр. 145).

Изъ предшествовавшаго мы уже знаемъ, что Кавелинъ считаетъ самымъ реальнымъ фактомъ, съ которымъ люди имѣютъ дѣло,—это наши субъективныя впечатлѣнія, т. е. явленія психическаго порядка вещей, потому что вездѣ и всегда человѣкъ знаетъ не самый предметъ непосредственно, а тѣ „психическіе слѣды", которые предметъ производитъ въ нашей душѣ. „Таково истинное, несомнѣнное значеніе для человѣка объективнаго, предметнаго міра и человѣческаго знанія объ этомъ мірѣ. Кантъ только приподнялъ завѣсу надъ фактомъ, который до него былъ скрытъ непроницаемой тайной. Если провести его мысль до конца, то всѣ наши взгляды на человѣка, его отношенія къ окружающей средѣ и на самое знаніе—должны измѣниться кореннымъ образомъ. Мы думали, что между мыслью человѣка и окружающей его средой проведена рѣзкая граница; на повѣрку выходитъ, что такой границы нѣтъ,

что окружающая среда перенесена въ насъ въ тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя мы отъ нея получили. Мы были убѣждены, что окружающая насъ среда извѣстна какъ нѣчто внѣ насъ существующее, безусловно объективное; оказывается, что мы знаемъ ее лишь на столько, на сколько она производитъ въ насъ впечатлѣніе. Стало быть наше знаніе о ней не можетъ быть безусловно объективнымъ. Мы воображали, что дѣйствуя на окружающую среду или подвергаясь ея дѣйствію и вліяніямъ, человѣкъ вступаетъ въ какія то непонятныя и необъяснимыя непосредственныя отношенія съ предметами совсѣмъ ему чуждыми и съ нимъ разнородными; отъ этого взгляда приходится совсѣмъ отказаться: разнородное и совсѣмъ чуждое не можетъ вліять и дѣйствовать одно-на-другое; при томъ—взаимно-дѣйствіе человѣка и того, что его окружаетъ, не есть непосредственно. Дѣйствія на насъ объективнаго міра преобразуются въ психическія состоянія, и въ этомъ только видѣ становятся доступными человѣку". (Кавелинъ, „Задачи этики", стр. 31).

Міръ самосознанія — вотъ сфера, на почвѣ которой оперируетъ человѣческое мышленіе, и за предѣлы которой оно выскочить не можетъ. И всѣ разнообразные роды впечатлѣній, которые человѣкъ испытываетъ, лишь тогда становятся матеріаломъ для работы его ума, когда они, отрѣшаясь отъ своей „безусловно-объективной" физіономіи, пріобрѣтаютъ качества формъ нашего личнаго самосознанія, когда „объективные предметы", такъ сказать, послѣ процесса ассимиляціи нашей душою, станутъ извѣстными частями нашего духа.

„Мышленіе есть не болѣе, какъ особый, свойственный организмамъ способъ отношеній къ окружающей средѣ и явленіямъ. Оно вращается въ мірѣ впечатлѣній и переступить за ихъ область не можетъ“.—„Такой взглядъ, не получившій еще правъ гражданства въ наукѣ, но подготовленный и уже намѣченный всѣмъ ходомъ историческаго развитія знанія, говоритъ Кавелинъ, переноситъ центръ тяжести изъ объективныхъ условій существованія людей въ психическую жизнь и дѣятельность живаго лица, и на мѣсто господства логическихъ отвлеченностей, механическихъ, безличныхъ, безстрастныхъ и бездушныхъ законовъ ставитъ въ человѣческихъ дѣлахъ живую самодѣятельность людей. При такомъ взглядѣ жизнь человѣка не можетъ уже представляться жертвою случайностей, или безсильной и безплодной борьбы противъ слѣпаго рока, безпощадно давящаго все на своемъ пути, заѣдающаго тысячи существованій во имя чуждыхъ ему математическихъ и логическихъ формулъ. Вся жизнь и дѣятельность отдѣльнаго лица и общества людей получаетъ, при такомъ взглядѣ, значеніе осмысленнаго труда, способнаго болѣе и болѣе приспособлять объективный міръ, какъ дѣйствительно внѣ его существующій, такъ и изъ него самого образовавшійся, къ потребностямъ психическаго и матеріальнаго существованія людей, личнаго и коллективнаго. Но что еще гораздо значительнѣй, — при такомъ взглядѣ исчезаетъ непереступаемая граница, которая до сихъ поръ раздѣляла личную, индивидуальную жизнь отъ общей, коллективной, субъективную отъ объективной. Соединенныя усилія психологіи и есте-

ственныхъ наукъ проложили дорогу черезъ кажущуюся пропасть, показавъ, что представляющійся объективнымъ міръ внѣшнихъ реальностей и идей есть продолженіе личнаго, индивидуальнаго, субъективнаго міра, а также и то, какъ и почему объективный міръ, съ развитіемъ субъективнаго и соотвѣтственно съ нимъ, измѣняется въ своихъ формахъ". („Задачи этики", стр. 33). При этомъ, въ добавокъ, еще слѣдуетъ имѣть въ виду, что:—„Нисколько не останавливается побѣдоносный ходъ изслѣдованія природы,—какъ говоритъ Ланге,—когда исчезаетъ наивная вѣра въ матерію и за всей природой открывается новой безконечный міръ, который стоитъ въ самой тѣсной связи съ міромъ чувствъ, который можетъ быть та-же самая сущность, но разсматриваемая съ другой стороны, но который нашему субъекту, нашему „я", со всѣми его душевными движеніями, на столько же свой, какъ истинное отечество его внутренняго существа, на сколько ему чуждъ и холоденъ міръ атомовъ и ихъ вѣчныхъ колебаній. Матеріализмъ, однако, старается сдѣлать міръ атомовъ и настоящей родиной духа", въ заключеніе прибавляетъ Ланге („Ис. мат.", т. II, стр. 156—157). И теперь мы достаточно подготовлены къ тому, чтобы по достоинству оцѣнить попытку матеріализма не только перенести центръ тяжести изъ „міра жизни" въ мертвую механику непонятной природы „атомовъ", но даже и самый духъ, единственный нашъ животворный источникъ, создавшій и самое-то понятіе о матеріи и ея атомахъ—упразднить, сдѣлавши его „родиной" мертвый „міръ атомовъ" и ихъ вѣчныхъ, предполагаемыхъ ко-

лебаній. Взглянемъ-же, на сколько крѣпки основанія подобной, рукотворной родины человѣческаго духа?...

II.

„Реальность не въ самомъ предметѣ, а въ мечтѣ его ума".

Афоризмъ, взятый изъ Дроза.

Въ предшествовавшемъ очеркѣ, мы достаточно уже ознакомились съ данными, которыя даютъ право утверждать,—говоря въ терминахъ Ланге, — что: — „въ сущности все существуетъ въ субъектѣ, такъ какъ и „объектъ" первоначально означаетъ ничто иное, какъ „предметъ нашего представленія". Изъ предшествовавшаго-же очерка, мы знаемъ уже, что о безусловной объективности можно было говорить до изслѣдованій Канта; послѣ него она уже немыслима, какъ живая, реальная дѣйствительность; внѣ насъ существуетъ несомнѣнно „реальный" міръ, но мы лишь догадываемся о немъ, „какъ о предметѣ нашего собственнаго представленія", глядя на него сквозь роковые очки нашей субъективно-психической природы. „Безусловная реальность", „безусловная объективность!"... „Отвлеченная логика создала эти понятія, которымъ нѣтъ соотвѣтствующихъ явленій и фактовъ въ дѣйствительности";— какъ много разъ настаиваетъ на этомъ Кавелинъ! „Насъ вводитъ въ заблужденіе, говоритъ тотъ-же мыслитель, — различіе личнаго мнѣнія отъ того, что мы признаемъ за объективную истину; но мы знаемъ, что

это различіе выражаетъ только различіе между знаніемъ одного или нѣсколькихъ лицъ и знаніемъ большинства..." „Единичное, индивидуальное, или генерическое, коллективное—вотъ къ чему, въ концѣ концовъ, сводится различіе „личнаго" мнѣнія и „несомнѣнной" достовѣрности объективной истины. Выше генерическаго, коллективнаго знанія всѣхъ людей, всего человѣческаго рода, человѣкъ подняться не можетъ, а оно не есть безусловно объективное мѣрило истины". Однимъ словомъ, резюмируя образнымъ языкомъ Ланге, мы должны признать, что человѣческое знаніе есть лишь весьма маленькій островокъ въ безмѣрномъ океанѣ возможнаго знанія, которое роковымъ образомъ скрыто отъ глазъ человѣка. И пренебрегать границами этого „острова человѣческаго знанія", увы, совершенно—не возможно. И каждый разъ, въ исторіи человѣческой мысли, мы видимъ, какъ разбиваются въ прахъ дерзкія попытки смѣльчаковъ, желавшихъ перешагнуть за предѣлы границъ этого „острова человѣческой мысли"... Всѣ, безъ исключенія, рукотворныя, при посредствѣ логическихъ-ли отвлеченностей, механическихъ-ли, безстрастныхъ, бездушныхъ законовъ, міропостроенія, въ теченіе исторіи человѣческой мысли, рушатся, одинъ за другимъ, какъ карточные домики:— и матеріалистическія вслѣдъ за идеалистическими... Именно, при этихъ рукотворныхъ міропостроеніяхъ, безусловная объективность, реальность, искомая истина, увы, неизмѣнно, во всѣ времена, ускользаютъ изъ рукъ смѣльчаковъ, какъ Протей... Къ этой цѣпи рукотворныхъ монументовъ тщетныхъ усилій ума, хотящаго

стать выше себя,—вплотную примыкаетъ и современная научно-матеріалистическая попытка, „міръ атомовъ“ сдѣлать „настоящею родиной духа“, со всѣми его аттрибутами. A priori очевидно, изъ знакомства съ „теоріею познанія“, въ ея настоящемъ научно-критическомъ развитіи, что атомистически-механическая родина человѣческаго духа, увы, есть только „предметъ собственнаго представленія“ матеріалистическаго ума, „свою мечту“ принимающаго за „Тобозскую дульцинею“, которая похожа на истину, какъ „коровница“ на реальную дульцинею... Но, тѣмъ болѣе, поучительно познакомиться съ основаніями такого qui pro quo. Анализомъ этого qui pro quo мы и займемся теперь, слѣдя шагъ за шагомъ за возможностью—свою желанную „мечту ума“, хотя-бы и матеріалистическаго, принимать за „объективную реальность самого предмета“....

Конечно, прежде всего, мы наталкиваемся здѣсь на вопросы: что такое матерія? что такое сила? Потому что матерія и сила даютъ, или должны были-бы давать, по ученію матеріализма, исходъ для возникновенія человѣческаго духа, во всѣхъ его аттрибутахъ. И такъ, прежде всего, познакомимся съ тѣмъ, что выработала наука по отношенію вопросовъ матеріи и силы. И тутъ-же необходимо подчеркнуть слѣдующее. Все мистическое, фантастическое, склонное къ игрѣ творческаго олицетворенія при посредствѣ „реторическихъ уловокъ нашего мозга“—конечно, не достойно механическаго міровоззрѣнія матеріалистическаго ума, ставящаго, или хотящаго только ставить на мѣстѣ мистики и фантастической реторики „мозга“, все простое, ясное,

безъ примѣси „реторическихъ уловокъ“. Sic! Чего-бы, кажется, и хотѣть?...

„Сила,—говоритъ Дю-Буа-Реймонъ,—(на сколько она мыслится, какъ причина движенія) есть ни что иное, какъ замаскированное порожденіе непреодолимой склонности къ олицетворенію, которая намъ врождена, какъ реторическая уловка нашего мозга, который хватается за иносказательный оборотъ, потому что ему недостаетъ яснаго представленія для прямого выраженія. Въ понятіяхъ о силѣ и веществѣ мы видимъ возвращеніе того же дуализма, который обнаруживается въ представленіяхъ о Богѣ и мірѣ, о душѣ и тѣлѣ. Это, въ утонченномъ видѣ, таже потребность, которая нѣкогда заставляла людей населять рощи и источники, скалы, воздухъ и море созданіями своего воображенія. Что мы выигрываемъ, когда говоримъ, что вслѣдствіе взаимной силы притяженія сближаются между собою двѣ вещественныя частички? Ни тѣни вникновенія въ сущность процесса. Но довольно странно, для присущаго намъ стремленія къ причинамъ есть нѣкотораго рода удовлетвореніе въ непроизвольно являющемся передъ нашимъ внутреннимъ окомъ образѣ руки, которая слегка подталкиваетъ косную матерію, или невидимыхъ рукъ полипа, которыми частички вещества обхватываютъ одна другую, стараются притянуть къ себѣ другъ друга, наконецъ сплетаются въ одинъ узелъ“. (Du Bois-Reymond, „Untersuch über thierische Electricität“, I. Bd. Vorrede S. XL. u. f.).

Ланге оснащаетъ эту выписку изъ Дю-Буа-Реймона слѣдующими словами: „хотя эти слова содержатъ много

правды, все же при этомъ упущено изъ виду, что прогрессъ наукъ привелъ насъ къ тому, чтобы все болѣе и болѣе ставить силы на мѣсто веществъ и что возрастающая точность изученія все болѣе и болѣе разрѣшаетъ вещество въ силы". Ибо то, что есть извѣстнаго въ веществѣ — его свойства; свойства его — силы. „Однимъ словомъ, по Ланге: непонятый или непонятный остатокъ нашего анализа есть вещество, какъ бы далеко мы ни ушли впередъ". Изъ этого выходитъ, что вещество всегда есть то, что мы нехотимъ или не можемъ разрѣшать далѣе въ силы. И это разрѣшеніе вещества въ силы доходитъ вплоть до того момента, съ котораго вещественный атомъ считается — „ничто", т. е. точкой безъ протяженія. Этотъ взглядъ высказали Амперъ и Коши. Подобный же взглядъ, высказалъ Сегенъ и съ нимъ соглашался Муаньо, и только предпочиталъ вмѣстѣ съ Фарадеемъ непротяженному тѣлу простые центры силъ.

И такъ, нельзя не согласиться съ Ланге, подчеркивающимъ тотъ фактъ, выработанный положительными науками, что: „въ самой атомистикѣ, тогда какъ она повидимому даетъ основаніе матеріализму, заключается уже принципъ, который разрѣшаетъ всякую матерію и тѣмъ отнимаетъ у матеріализма его почву".

И такъ, загадка „міровой тайны" нисколько не разгадывается, если мы всю жизнедѣятельность, бросающуюся намъ въ глаза, — если мы центръ тяжести этой „міровой тайны" перенесемъ въ не менѣе таинственныя матерію и силу.

„Если мы спросимъ, читаемъ у Дю-Буа-Реймона,— что же остается, если ни сила ни матерія не имѣютъ дѣйствительности, то тѣ, которые становятся со мной на эту точку зрѣнія, отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ. Человѣческому уму не дано въ этихъ вещахъ выйти изъ послѣдняго противорѣчія. Поэтому вмѣсто того, чтобы вертѣться въ кругу безплодныхъ умозрѣній, или мечомъ самообольщенія разрубать узелъ, мы предпочитаемъ держаться воззрѣнія вещей, какъ онѣ суть, и довольствоваться, говоря съ поэтомъ, „чудесами того, что существуетъ“. Ибо мы не можемъ рѣшиться, такъ какъ на одномъ пути намъ отказано въ вѣрномъ толкованіи, закрывать глаза на недостатки другого толкованія, по той единственной причинѣ, что никакое третье повидимому невозможно; и мы имѣемъ достаточно самоотверженія, чтобы согласиться съ представленіемъ, что въ концѣ концовъ всякой наукѣ можетъ быть поставлена только цѣль: не понимать сущность вещей, а дѣлать понятнымъ, что она непонятна“.

Для дальнѣйшей нашей цѣли, анализа атомистической родины духа, послужатъ извлеченія изъ извѣстной рѣчи Дю-Буа-Реймона „о границахъ познанія природы“, произнесенной имъ на конгрессѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей, въ 1872 году.

Всякое познаніе природы, говорится здѣсь, сводится въ концѣ концовъ на механику атомовъ. Таково первое положеніе. Отсюда слѣдуетъ, что конечною цѣлью для человѣческаго ума—которая хотя и понятна для него, но совершенно не достижима—будетъ полнѣйшее знаніе этой механики. Такое совершенное знаніе механики

природы дало бы, еслибъ могло осуществиться, возможность уму человѣка вывести, на основаніи принциповъ этой механики, все будущее и прошедшее міра. Но даже при такомъ идеально-совершенномъ знаніи механики природы, все таки было бы два пункта въ человѣческомъ знаніи, предъ которыми умъ человѣческій долженъ былъ бы остановиться въ своемъ безсиліи, въ своемъ невѣдѣніи. Во первыхъ:—„мы не въ состояніи понять атомовъ". Во вторыхъ:—„мы не можемъ объяснить изъ атомовъ и ихъ движеній ни малѣйшаго явленія сознанія".

„Можно, замѣчаетъ по этому поводу Ланге, понятіе о матеріи и ея силѣ вертѣть и оборачивать, сколько угодно, все же наталкиваешься на послѣднее непонятное, если даже не на нѣчто совершенно безсмысленное, какъ напримѣръ, силы, которыя дѣйствуютъ вдаль черезъ пустое пространство. Нѣтъ надежды когда либо разрѣшить эту задачу: препятствіе здѣсь трансцедентное. Оно основано на томъ, что мы въ концѣ концовъ ничего не можемъ себѣ представить безъ всякаго чувственнаго качества, тогда какъ все наше познаніе направлено къ тому, чтобы разрѣшать качества въ математическія отношенія. Не безъ основанія Дю-Буа-Реймонъ утверждаетъ, что все наше познаніе природы въ дѣйствительности не есть познаніе, что оно намъ даетъ только суррогатъ объясненія. Не будемъ забывать, что вся наша культура основывается на этомъ „суррогатѣ", съ грустной ироніей прибавляетъ Ланге. *)

*) „Исторія матеріализма," т. II, стр. 131.

Забывать это тѣмъ болѣе не слѣдуетъ нашимъ „культурнымъ просвѣтителямъ“ народа, имѣющаго въ себѣ свою ясно сформленную „христіански-теологическую“ культуру, просочившую на сквозь своими идеалами народное міросозерцаніе. И не вытравлять изъ народной души ея культуру, но пора, какъ разъ время окунуться, обновиться и „культурнымъ просвѣтителямъ“ въ своей родной народной культурѣ. Опустошать простосердечную душу „подъ Богомъ живущаго“ народа, при посредствѣ чуждой ему „умственной эквилибристики“, и наполнять ее вмѣсто положительныхъ идеаловъ объ истинѣ „западно-европейскимъ суррогатомъ“ истины—пора забросить эту закорузлую „просвѣтительную“ доктрину, извнѣ навѣянную, которая въ добавокъ совершенно не прививается къ духу и складу народной жизни... Но мы отклонились немного въ сторону отъ хода нашего изложенія. И такъ, пониманію атомовъ мѣшаетъ трансцедентное препятствіе. Но къ этому присоединяется еще новое затрудненіе; при первомъ движеніи удовольствія или боли, которыя при началѣ животной жизни на землѣ почувствовало простѣйшее существо, поставлена эта непроходимая пропасть, и міръ сталъ теперь вдвойнѣ непонятенъ. — Доказательство этого Дю-Буа-Реймонъ хочетъ вести независимо отъ всѣхъ философскихъ теорій, замѣчаетъ Ланге,—такимъ способомъ, который очевиденъ и естествоиспытателю. Для этой цѣли онъ (Реймонъ) предполагаетъ, что пусть мы имѣемъ совершенное („астрономическое“) знаніе естественныхъ процессовъ въ мозгу, и не только безсознательныхъ процессовъ, но и тѣхъ, которые по времени всегда сов-

падаютъ съ духовными процессами, а слѣдовательно и неизбѣжно съ ними соединены. Тогда, конечно, было бы большимъ торжествомъ:—„если бы мы могли сказать, что при извѣстномъ духовномъ процессѣ происходитъ въ извѣстныхъ узловыхъ клѣточкахъ и нервныхъ трубочкахъ извѣстное движеніе извѣстныхъ атомовъ".—„Прямое познаніе матеріальныхъ условій духовныхъ процессовъ открыло бы намъ болѣе, чѣмъ всѣ пріобрѣтенія научнаго изслѣдованія до сего времени; но сами духовные процессы были бы намъ совершенно также непонятны, какъ нынѣ". — „Астрономическое знаніе мозга, самое высшее, котораго намъ возможно достичь, не раскрываетъ намъ въ немъ ничего, кромѣ движущейся матеріи".—„Если же иные думаютъ, что намъ изъ этого знанія могли бы стать понятными извѣстные духовные процессы или способности, каковы память, послѣдовательность представленій и т. д., то это ошибочно: мы только познаемъ извѣстныя условія духовной жизни, но не познаемъ, какъ изъ этихъ условій возникаетъ сама духовная жизнь".—„Какая мыслимая связь находится между опредѣленными движеніями опредѣленныхъ атомовъ въ моемъ мозгу съ одной стороны и съ другой стороны между первоначальными для меня, неопредѣлимыми далѣе, неотвергаемыми фактами: „я чувствую боль, чувствую удовольствіе; я ощущаю сладкое, обоняю запахъ розы, слышу звуки органа, вижу красное", и также—непосредственно вытекающею изъ этого достовѣрностью: „слѣдовательно я существую?" Никоимъ образомъ не видно, какъ изъ совокупнаго дѣйствія атомовъ можетъ возникнуть сознаніе. Если бы

я захотѣлъ придать самимъ атомамъ сознаніе, то все таки и сознаніе вообще не было бы объяснено и ничего не выигралось бы для пониманія единичнаго сознанія въ недѣлимомъ". И эту вторую границу Дю-Буа-Реймонъ признаетъ безусловною.—Тѣмъ не менѣе Дю-Буа-Реймонъ оставляетъ право за естествоиспытателями, ничѣмъ не стѣсняясь,—„составлять себѣ свое собственное мнѣніе путемъ индукціи объ отношеніяхъ между духомъ и тѣломъ". Но съ такимъ ограниченіемъ, которое признавалъ даже Бэръ, одновременно признававшій самостоятельное существованіе души, какъ высшаго стимула, догматическіе матеріалисты никоимъ образомъ не желаютъ примириться, настаивая „будучи повержены въ догматическій сонъ", что „міръ атомовъ" есть самая настоящая „родина духа"......

Въ заключеніе рѣчи „о границахъ познанія природы" Дю-Буа-Реймонъ ставитъ вопросъ, не будутъ ли обѣ границы (непостижимость атомовъ и непостижимость появленія сознанія изъ ихъ колебаній) познанія природы одною и тою же границею? „То-есть (иначе) если бы мы понимали сущность матеріи и силы, то не могли ли бы мы также понимать, какимъ образомъ лежащая въ основаніи ихъ субстанція, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ чувствовать, желать и мыслить?"—По этому поводу Ланге замѣчаетъ: „Мыслимое разрѣшеніе, конечно, если оно вообще возможно, уничтожило бы вмѣстѣ съ тѣмъ и противоположность матеріализма и идеализма". Ибо мы въ этомъ случаѣ раскрыли бы самый секретъ „міровой тайны", но, увы, къ сожалѣнію, такого совершеннаго пониманія „отношенія соз-

нанія" къ тому способу, которымъ мы мыслимъ „объекты природы", у человѣка не имѣется.... Но къ вопросу отношенія „матеріализма" къ „идеализму" мы еще будемъ имѣть случай вернуться, по ходу дальнѣйшаго изложенія.

Итакъ, скромная задача положительнаго изслѣдованія отношеній между „тѣломъ" и „духомъ"—не есть желанная цѣль матеріализма. Главный его подвигъ есть признаніе, что душевная дѣятельность человѣка вполнѣ объясняется функціями матеріи. Спеціально на этомъ „подвигѣ" мы теперь и остановимся.—Начать хотя бы съ того, что, по утвержденію положительной науки,—о мертвомъ, нѣмомъ и глухомъ мірѣ колеблющихся атомовъ мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что онъ есть „гипотетическій предметъ нашего (т. е. субъективнаго) представленія", являющійся на сцену тогда, какъ „въ насъ живущій субъектъ" пожелаетъ представить себѣ, съ своей точки зрѣнія, причинную, какъ говорится, связь явленій. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь міръ атомовъ и ихъ колебаній, какъ извѣстно, не есть данное, подобно нашимъ ощущеніямъ, а лишь „логическая отвлеченность", ничего общаго съ міромъ положительныхъ, реальныхъ нашихъ впечатлѣній не имѣющая... Поэтому то „атомистическій объектъ нашего представленія", какъ настаиваетъ Ланге:—„по своей природѣ и по своимъ необходимымъ принципамъ не способенъ раскрыть намъ послѣднюю внутреннюю сущность вещей".—„Нѣтъ надобности, продолжаетъ тотъ-же изслѣдователь, непремѣнно доходить до атомовъ; мы всюду имѣемъ передъ собою слѣды недостаточности механическаго способа

представленія. Какъ извѣстно, Юмъ старался устранить возраженія противъ матеріалистическаго объясненія мышленія тѣмъ, что находилъ такую-же непонятность, какъ въ этомъ случаѣ, и въ „причинномъ“ отношеніи. Онъ въ этомъ былъ правъ, но защита, которую онъ въ этомъ пунктѣ оказываетъ матеріализму, въ другомъ мѣстѣ обращается въ ущербъ ему. Противорѣчія не могутъ касаться „вещи въ себѣ“ (т. е. не могутъ исходить изъ нея, какъ она существуетъ помимо нашихъ знаній объ ней); они, слѣдовательно, должны быть основаны на нашемъ способѣ представленія“.—„Если сознаніе и движеніе мозга совпадаютъ и однако вліяніе одного на другое нельзя понять, то трудно избѣжать старой спинозистической мысли, часто отзывающейся и у Канта, что то и другое одна и та же вещь, какъ бы проектированная на различные органы пониманія. Матеріализмъ такъ крѣпко держится за дѣйствительность своей матеріи и ея движеній, что истинный догматикъ этого направленія не долго задумывается, чтобы объявить движеніе мозга за нѣчто дѣйствительное и объективное, а ощущенія только за родъ видимости или за „обманчивый“ рефлексъ объективности“. Но на дѣлѣ выходитъ, какъ мы уже знаемъ, совсѣмъ наоборотъ: представленіе объ атомахъ и ихъ движеніяхъ легко выводится изъ ощущеній, ибо ощущенія есть самый реальный фактъ, съ которымъ только человѣкъ и имѣетъ дѣло. Астрономъ Цельнеръ, читаемъ у Ланге, показываетъ въ своей извѣстной книгѣ „О природѣ кометъ“, что „мы къ представленію объекта вообще приходимъ только посредствомъ ощу-

щенія. Ощущенія суть тотъ матеріалъ, изъ котораго строится реальный, внѣшній міръ. Самый простой видъ ощущеній, который мы можемъ себѣ представить, за-заключаетъ уже въ себѣ, какъ скоро мы мыслимъ себѣ сцѣпленіе мѣняющихся состояній ощущенія въ нѣкоторомъ организмѣ, представленія времени и причинности". — „Изъ этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ, заключаетъ Цельнеръ, что феноменъ ощущенія есть гораздо болѣе основной фактъ наблюденія, чѣмъ подвижность матеріи, которую мы принуждены приписывать ей, какъ самое общее свойство и условіе для пониманія чувственныхъ измѣненій". — Здѣсь то Ланге и дѣлаетъ свое замѣчаніе, съ которымъ мы уже имѣли случай познакомиться въ первомъ нашемъ очеркѣ, —что: „все-таки въ сущности все существуетъ въ субъектѣ, такъ какъ и „объектъ" первоначально означаетъ ничто иное, какъ „предметъ" нашего представленія. — „Ощущеніе и представленіе ощущенія, далѣе продолжаетъ Ланге, — есть общее; представленіе атомовъ и ихъ колебаній — спеціальный случай. Ощущеніе есть нѣчто дѣйствительно данное, но въ атомахъ въ сущности нѣтъ ничего дѣйствительно и даннаго, кромѣ остатка обезцвѣченныхъ ощущеній, посредствомъ которыхъ мы составляемъ себѣ ихъ образъ. Мысль, что этому образу соотвѣтствуетъ нѣчто внѣшнее, абсолютно независимо отъ нашего субъекта, можетъ быть очень натуральною, но она не абсолютно необходима и принудительна; иначе никогда не могло бы существовать идеалистовъ съ направленіемъ Берклея". — „Слѣдовательно, заключаетъ Ланге, если одинъ изъ двухъ предметовъ (ощущеніе и

движеніе атомовъ) долженъ быть объявленъ за дѣйствительность, а другой за простую видимость, то было бы гораздо болѣе основаній объявить ощущеніе и сознаніе за дѣйствительность, атомы же и ихъ движенія за простую видимость. Что мы строимъ на этой видимости наши естественныя науки неизмѣнятъ дѣла. Познаніе природы было бы въ такомъ случаѣ только подобіемъ истиннаго познанія, нѣкоторымъ средствомъ для оріентированія, подобно ландкартѣ, которая служитъ, намъ прекрасно, тогда какъ она далеко не есть та страна, по которой мы мысленно путешествуемъ" (Ланге, „Ист. матер.", т. II, стр. 144—145).

Стало быть, и тѣмъ не менѣе фактъ остается фактомъ, т. е. атомистическая „ландкарта" духа человѣческаго, не смотря на желаніе матеріалистовъ сдѣлать ее настоящей его родиной,—„далеко не есть та страна", по которой матеріалисты „мышленно путешествуютъ", потому что ощущеніе и сознаніе относятся къ движеніямъ атомовъ, какъ реальный фактъ впечатлѣній къ мечтѣ матеріалистическаго ума.

„Но если все таки мы, говоритъ Ланге, хотимъ сдѣлать послѣднюю попытку устранить видимость непримиримаго дуализма болѣе популярнымъ образомъ, то представляется, принятый такъ же Цельнеромъ, путь приписать самой матеріи ощущеніе и мыслить механическіе процессы закономѣрно и вообще связанными съ процессами ощущеній. Но не слѣдуетъ забывать, что объясненіе, которое получается такимъ путемъ, есть не естественно-научное, а умозрительное, и что оно есть настоящая загадка, не устраняетъ непонятное въ

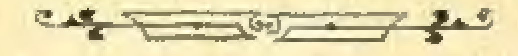
явленіи, а только отодвигаетъ.—Чтобы получить естество-научное значеніе, эта теорія должна была бы намъ показать возникновеніе человѣческаго ощущенія изъ процессовъ ощущенія движущихся частицъ, по крайней мѣрѣ также строго, какъ строеніе тѣла изъ клѣточекъ, или переходъ механическаго движенія изъ внѣшняго міра въ состояніе нашей нервной системы. Двѣ загадки все таки остались бы при этомъ: представленіе о силѣ и веществѣ было бы сопровождаемо всѣми тѣми-же затрудненіями и кромѣ того новымъ, еще большимъ. Сознаніе хотя было-бы въ нѣкоторой связи съ матеріей, но его единство въ своемъ отношеніи къ множеству его составляющихъ ощущеній заключало-бы въ сущности такую-же непостижимость, какъ прежде отношеніе сознанія къ колебаніямъ атомовъ мозга".—„Сверхъ того, въ случаѣ, если-бы такая теорія могла-бы бить проведена, еще вопросъ, не пришлось-ли бы совсѣмъ отбросить атомы и ихъ колебанія, какъ лѣса, когда кончено зданіе. Міръ ощущенія, единственное данный, былъ-бы объясненъ своими собственными элементами и не нуждался-бы болѣе въ чужой опорѣ. Но если-бы существовало какое нибудь достаточное основаніе для сохраненія атомовъ, то все же матеріальный міръ былъ бы тогда міромъ представленія, и предположеніе, что за обоими, находящимися въ соотвѣтствіи мірами, матеріальнымъ и міромъ ощущеній, лежитъ неизвѣстное третье, какъ ихъ общая причина, повела-бы далѣе, чѣмъ ихъ простое отождествленіе. Такимъ образомъ, мы видимъ, какъ основательное изслѣдованіе природы своими собственными слѣдствіями ведетъ далѣе матеріализма".

Такъ заканчиваетъ Ланге разсмотрѣніе занимавшихъ здѣсь насъ „вопросовъ знанія“, прибавляя:—„Но это оказывается только на томъ пунктѣ, гдѣ мы принуждены понимать весь міръ изслѣдованія природы, какъ міръ явленій, рядомъ съ которыми явленія духовной жизни, не смотря на всю кажущуюся зависимость отъ матеріи, остаются по своему существу чѣмъ то чуждымъ и другимъ“ *). И это „чуждое и другое“—настолько существенно и такъ оно разнится отъ бездушной „матеріи“, что нѣкоторыми матеріалистами уже сознается необходимость для болѣе полной ясности своего міроразумѣнія ввести новый элементъ:—„міровую душу“.... Указаніемъ на эту оригинальную варіяцію въ матеріалистическомъ міроразумѣніи,—мы и заканчиваемъ посильную картину анализа научно-критической мысли, расшатывающей устои матеріалистическихъ воззрѣній.

Но чтобы возможно полнѣе очертить занимавшіе здѣсь насъ „вопросы знанія“, намъ остается сдѣлать еще нѣсколько чертъ. „Матеріализмъ съ принятіемъ положенія необъяснимости всѣхъ естественныхъ явленій погибаетъ на вѣки. Если матеріализмъ успокаивается на этой необъяснимости, то онъ перестаетъ быть философскимъ принципомъ; онъ можетъ однако продолжать существовать какъ правило научнаго детальнаго изслѣдованія. Таково и есть въ дѣйствительности положеніе большинства нашихъ нынѣшнихъ „матеріалистовъ“. Они въ сущности скептики, они не вѣрятъ больше, что матерія, какъ она является нашимъ чувствамъ, заключаетъ въ себѣ рѣшеніе всѣхъ загадокъ природы, но они прин-

*) 146—147 стр. „Ист. матер.“, т. II.

ципіально дѣйствуютъ, какъ будто бы это было такъ" *). То есть говоря проще—они убаюкиваютъ себя, принимая классическую „коровницу" за дульцинею тобозскую... Но эта игра въ жмурки, не разъ всплывавшая въ мірѣ человѣческой мысли, имѣетъ свою Ахиллесову пяту. Именно—отношеніе матеріалистическихъ тенденцій къ практической сферѣ жизни, начиная отъ высшихъ сферъ поэзіи и искусства и кончая узкой практикой жизни. Но выясненіе этого отношенія можетъ составить прекрасную тему для самостоятельной замѣтки по вопросу о культурномъ значеніи матеріализма. Здѣсь-же достаточно будетъ лишь отмѣтить слѣдующій фактъ: параллельно съ тѣмъ, какъ „идеализмъ" налагаетъ свой отпечатокъ „подъема" духовныхъ силъ на свою эпоху, въ которую преобладаютъ его тенденціи; матеріалистическія тенденціи равнымъ образомъ просачиваютъ на сквозь „стремленія" и „идеалы" своей эпохи, въ которыя обыкновенно замѣчается „оскудѣніе идеаловъ" съ прогрессивно развивающеюся въ обществѣ потребностью къ матеріальнымъ интересамъ, внѣшней роскоши, матеріальному комфорту жизни.

*) Ibidem, 7 стр.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Цѣна 50 коп.

Складъ изданія въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени", А. С. Суворина, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

